

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

ОРГАН
Н К Ю
ДСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

С. Раевич — Пересмотр основных положений о форме сделок.

Л Азов — На помощь трудящимся Крыма.

А Иодковский — К проекту главы X Уголовного Кодекса.

С. Файнблит — Трехлетний режим и досрочное освобождение.

И Махмудов — Скотокрадство в трудовом скотоводческом хозяйстве.

К Пузаков и Косолапов — Нужно ли изменять ст. 242 Гр. Пр. Код.

С. Вайсман — Об одном волокитном деле.

Б. Александров — Фашистское законодательство.

К Жудро — Право кредитора на учетные проценты по векселям.

Страница практика:

Уваров — Организационные вопросы судебной работы.

Фисунов — Кому подсудно.

В. Лучанинов — Преимущественное удовлетворение недоимок по налогам, сборам и пошлинам.

Обзор сов. законодательства за время с 4 по 11 марта 1928 г. (М. Брагинский).

В институтах и обществах: — В Институте Сов. Права: Доклад С. Раевича — „Якобинский и термидорианский проекты французского гражданского кодекса“.

НОТ в органах юстиции: А. Кондратьев — Опыт экономкомиссии в Московском губсуде по рационализации делопроизводства.

Хроника.

Библиография.

Официальная часть.

№ 11
1928

ГОД ИЗДАНИЯ
СЕДЬМОЙ

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13. Тел. 2-80-42.

Киоски при всех краевых, областных, губернских и окружных судебных учреждениях.

НОВАЯ КНИГА:

ГЕРЦЕНЗОН

БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РСФСР ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСЛЕДОВАНИЯ НК РКИ СССР

Под редакцией и с предисловием Радус-Зеньковича.

Книга дает характеристику и динамику преступности в СССР по материалам НКЮ, НКВД, ЦСУ и НКРКИ и анализирует соотношение советской судебной и пенитенциарной системы. Собранный за десятилетие богатый криминологический материал, систематизированный в этой книге, будет весьма полезен для судебных работников, проводящих карательную политику, и для работников исправительно-трудового дела и органов дознания, непосредственно работающих над изучением и в выявлении преступника.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ: Основные черты динамики преступности за 10 лет. Преступность в 1924—1926 г. г. Уголовно-судебная (карательная) политика. Соотношение уголовно-судебной и исправительно-трудовой политики. Итоги и перспективы.

ЦЕНА 1 р. 30 к.

Книга высылается за наличный расчет и наложенным платежом.

Заказы направлять ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ ИЗДАТЕЛЬСТВА, Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13, книжные склады и киоски издательства.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13. Тел. 2-80-42.

Киоски при краевых, областных, губернских и окружных судебных учреждениях.

Вышла из печати и поступила в продажу книга
ИОДКОВСКИЙ

ПЕРЕЧЕНЬ ФОРМАЛЬНО ОТМЕНЕННЫХ ЗАКОНОВ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР и ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР по ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ на 1 января 1928 г.

с алфавитно-предметным указателем

Отдельные законы, в которых содержится указание на отмену им предшествовавших, разбросаны по всему законодательству и отыскание их для громадного большинства работников сопряжено с большой тратой времени, если иногда не совсем невозможно за отсутствием полного комплекта Собраний Узаконений и Законов.

Перечень охватывает законодательство РСФСР за все десятилетие и законодательство Союза ССР со времени его образования по материалам на 1 января 1928 г.

По законодательству СССР периода 1923 г. и первой половины 1924 г., опубликованному в Собрании Узаконений и Вестнике Правительства СССР, в первой графе перечня даются указания на оба названные источника. В последней графе перечня, в части законодательства РСФСР, а также и законодательства Союза ССР 1923 и начала 1924 г.г., место опубликования закона отменившего особо обозначено в тех случаях, когда этот закон напечатан в Собр. Законов.

ЦЕНА 1 р. 20 к.

Книга высылается за наличный расчет и наложенным платежом.

Заказы направлять ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13, книжным складам и киоскам Издательства.

◆ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК ◆ СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

№ 11

21 марта 1928 г.

№ 11

Пересмотр основных положений о форме сделок.

Постановления Г. К. о форме сделок отличаются большой сложностью и неясностью и нуждаются при общем пересмотре гражданского законодательства в упрощении, рационализации и уточнении.

Первоначальная редакция Г. К. проводила не находящее себе достаточного оправдания в соображениях целесообразности различие между следующими моментами: а) нотариальным засвидетельствованием и совершением в нотариальном порядке; б) письменным договором, подписанным сторонами, и обменом письмами, относимым к числу прочих письменных доказательств; в) формой договора, как условием возникновения сделки, и формой, как моментом, от которого зависит действительность ее; г) случаями, когда определенная форма предписана под страхом недействительности, и случаями, когда несоблюдение ее влечет недопустимость доказывать ее свидетельскими показаниями. Кроме этих многочисленных и вряд ли нужных оттенков, постановления Г. К. страдали и страдают во многих важных случаях умолчанием о том, какое из этих многочисленных правил должно иметь применение к тому или другому виду сделок.

Новым положением о нотариате уже уничтожено прежде действовавшее раздвоение нотариально удостоверяемых сделок на свидетельствуемые и совершаемые в нотариальном порядке, и вряд ли кто-либо станет выступать теперь в защиту этого ненужного различия, так что распространяться подробнее на эту тему мы не видим надобности.

Как будто не может вызвать споров также и вопрос о нецелесообразности противопоставлять письменную сделку, подписанную (на одном документе) обеими сторонами (ст. 28 ГК), сделке, совершаемой путем обмена письмами. Насколько мы знаем, и нынешняя практика не признает этого различия и толкует закон расширительно, считая, что письменная форма соблюдена и при обмене письмами, хотя сопоставление редакции ряда статей ГК с дореволюционными законами, с одной стороны, и новейшими буржуазными кодексами (наприм., герм. гр. улож.), с другой стороны, показывает, что тексту ГК более соответствует указанное нами узкое и нецелесообразное в условиях широко развитого торгового оборота понимание письменной сделки. Необходимо сказать ясно в законе, что обмен письмами, из содержания которых явствует совпадение предложения с ответом, приравнивается к подписанию договора обеими сторонами. (Ср. ст. 13 швейцарского обязательственного закона). Спор способен возбуждать вопрос о целесообразности приравнивания к письменной сделке обмена телеграммами: в телеграмме в отличие от письма нет подлинной подписи стороны (новейшие буржуазные законодательства приравнивают

к письменной сделке также и сделку, совершаемую путем обмена телеграммами).

Совершенно нецелесообразным и невлекущим никаких практических последствий является проводимое в прим. к ст. 130 Г. К. противоположение двух видов последствий несоблюдения обязательной формы: случаев, когда оно влечет недействительность сделки, с одной стороны, и случаев, когда до облечения сделки в соответствующую форму сделка считается невозникшею. В этом смысле наметилось решение также и в комиссии Союзного Правительства по разработке «Основ гражданского законодательства». Это деление—остаток влияния конструкций «юриспруденции понятий».

Спорным следует считать (и таковым является он в комиссии по разработке основ гражданского законодательства) вопрос о том, насколько обосновано, с точки зрения целесообразности, противоположение случаев, когда несоблюдение определенной формы влечет недействительность сделки, случаям, когда последствием несоблюдения является лишь недопустимость свидетельских показаний, но не исключена возможность использования других «письменных доказательств» (ст. 136, прим.; ст. 275-б и т. д.). Как известно, в советском праве эти последние случаи составляют фактически правило, а недействительность является довольно редким (среди случаев несоблюдения простой письменной формы) исключением. С другой стороны, случай, когда наше законодательство требует обязательного соблюдения письменной формы под страхом либо тех, либо других последствий являются у нас весьма частыми (новейшие буржуазные законодательства предъявляют такое требование реже). Насколько все эти особенности действующего законодательства находят себе достаточное оправдание в специфических, экономических, политических и культурных условиях гражданского оборота РСФСР и других советских республик? На этот предмет в комиссии существует два взгляда, приводящих один к положительному решению вопроса и к сохранению в ее существе нынешней постановки Г. К., другой—к отрицательному решению и существенному изменению ныне действующих норм. Если исходить из норм действующего права, которые препятствуют приравнению к письменному договору обмена письмами и, во всяком случае, обмена телеграммами, то необходимость преобладания числа случаев, когда несоблюдение простой письменной формы влечет лишь неприменимость свидетельских показаний над случаями, когда это несоблюдение имеет последствием недействительность договора, является очевидной: предъявляя такие строгие требования к способам осуществления письменной формы, нельзя усиливать эту строгость широким применением самого сурового последствия несоблюдения

этой формы—недействительности договора. Иначе слишком многие договоры, вполне заслуживающие защиты закона по своему содержанию и цели, будут лишены этой защиты из несомненному ущербу для народного хозяйства в целом. Если же стать, как мы предлагаем, и как того требуют интересы оборота между госпредприятиями, на путь более широкого понимания письменной формы, то-есть признать, что письменным договором является и такой, который заключен посредством обмена телеграммами, тогда отпадает одно из главных оснований для отстаивания действующего порядка определения последствий нарушения установленной законом формы: отпадает важнейший мотив, могущий оправдать известную снисходительность к неисполнению требований закона, выражающуюся в том, что неисполнение их влечет не недействительность сделки, а лишь некоторое затруднение в порядке доказывания⁴⁾. Впрочем, нельзя думать, что сказанным вполне разрешен в отрицательном смысле поставленный выше вопрос о целесообразности раздвоения последствий нарушения установленной законом для ряда случаев простой письменной формы.

Как мы уже говорили, круг случаев, в которых действующее гражданское законодательство, требует обязательного облечения договора в письменную форму, весьма широк. Если бы мы сочли необходимым установить недействительность сделки для всех случаев нарушения простой письменной формы, когда таковая установлена законом, то это имело бы последствием значительное увеличение числа сделок, лишающихся охраны закона исключительно по формальным соображениям. Навряд ли можно оправдать такое изменение законодательства в условиях социалистического роста и культурного подъема страны; в особенности неправильно было бы стать на этот путь по отношению к обороту между государственными и кооперативными предприятиями. При всем стремлении упростить наше законодательство, освободить его возможно больше от всей той сложной паутины юридических понятий, которая нами унаследована от буржуазного права, следует ли идти на такое упрощение, сомнительно. На установление недействительности сделки, как последствия нарушения правил о форме, для всех видов сделок можно было бы, как мы думаем, пойти при одновременном сужении круга случаев обязательной письменной формы. Однако, изменение законодательства также и в этом последнем направлении вызывает возражения в том смысле, что долевого и культурный уровень низовой торговли, особенно же деревенского оборота, у нас еще недостаточно высок для широкого допущения свидетельских показаний, как единственного доказательства более или менее значительных сделок. При нынешнем характере деревенской торговли, а также и городского частного оборота, свидетельские показания

требуют, по мнению ряда практически знакомых с этим делом товарищей, весьма осторожного отношения, так что широкое допущение их в качестве единственного доказательства для сколько-нибудь значительных сделок может способствовать развитию недобросовестных исков и другим злоупотреблениям. По этим мотивам подкомиссия по обязательственному праву сочла целесообразным сохранить в основном ныне действующий цифровой предел договоров, могущих совершаться в устной форме, в связи с чем встретили бы затруднения попытки упростить правила о последствиях несоблюдения письменной формы и устранить раздвоение этих последствий, существующее в действующем законе.

Как мы уже говорили, существенным недостатком действующего ГК в интересующем нас вопросе является также чрезвычайная неясность и недоговоренность его постановлений о последствиях несоблюдения предписанной законом формы для целого ряда случаев. Неясность и недоговоренность эта имеет место как в отношении ряда случаев несоблюдения простой письменной формы, так и для одного, по крайней мере, важного случая из числа тех, где закон предусмотрел обязательное нотариальное удостоверение. Из ст. 29 вытекает, что сделка поражается недействительностью лишь в тех случаях, когда закон это специально указывает; но каковы последствия в тех случаях, когда такого указания нет? В некоторых статьях, правда, эти последствия указаны особо (недопустимость свидетельских показаний), но в ряде других случаев закон молчит; как понимать это молчание (например, в ст.ст. 90, 218)? Как понимать более категорический, чем в других случаях, тон требования письменной формы для неустойки во 2 прим. к ст. 141? С одной стороны, нет достаточных оснований согласиться с А. Гойхбаргом, полагающим, что письменная форма установлена для неустойки под страхом недействительности, так как это было бы противно ст. 29; с другой стороны, за то, чтобы придать письменной форме значение условия действительности, говорит не только упомянутый нами категорический тон требования, но также и соображения целесообразности. Каковы последствия нарушения нотариальной формы, установленной для заседаний? Эти неясности связаны с принятой Г. К. в подражание германскому праву пандектной системой расположения, при которой нормы, имеющие применение почти исключительно к обязательственному праву, помещаются в общей части. Поскольку проект «Основ» отказался от этой системы, уже одним тем будет устранена значительная доля неясности, существующей в этой области необходимо, кроме того, сформулировать в законе определенные общие нормы, предусматривающие последствия несоблюдения установленной законом формы в двух ее основных видах (простая письменная и нотариальная), для случаев, в которых ГК не предусмотрит особо иных последствий.

С. Раевич.

⁴⁾ Следует иметь, кроме того, в виду, что при наличии у нас процесса, где суд играет не пассивную, а активную роль, значение оговорок о неприменимости свидетельских показаний не может иметь в советском праве такого значения, как в буржуазном.

К проекту главы X Уголовного Кодекса.

(О преступлениях, составляющих пережитки родового быта).

Специальной главой о бытовых преступлениях наш Уголовный Кодекс, был дополнен II сессией ВЦИК XI созыва в октябре 1924 года. Действие этой главы распространено было тогда на автономные республики: Башкирскую, Киргизскую (ныне Казахскую), Туркестанскую и автономные области Адыгейскую, Кабардино-Балкарскую, Калмыцкую, Карачаево-Черкесскую и Ойратскую, а с 1925 г.—и на автономную Бурят-Монгольскую республику.

Глава эта была включена и в проект нового Уголовного Кодекса, при чем небольшие изменения, в нее внесенные, не касались существа вопроса, а имели целью лишь редакционное согласование главы с проектом Кодекса.

Найдя необходимым пересмотр главы по существу, сессия ВЦИК ее не обсуждала и поручила Президиуму ее переработать по согласованию с автономными республиками и областями.

Вскоре после сессии Народный Комиссариат Юстиции разработал проект главы и, по согласованию с Отделом Национальностей ВЦИК, разослал его на отзыв исполнительным комитетам автономных республик и областей, а также исполнительным комитетам краевым и областным и тех губерний, на территории которых, по составу населения, можно было предполагать необходимость применения данной главы.

Места, как и следовало ожидать, приняли большое участие в проекте, и в результате этой совместной проработки первоначальный проект получил очень много

нового. Однако, согласование сильно затянулось, и только к началу 1927 года оказалось возможным представить проект в законодательные органы. В апреле этого года он был одобрен Советом Народных Комиссаров и передан в Президиум ВЦИК, который считал необходимым внести его на рассмотрение ближайшей сессии. И уже в период нахождения проекта в законодательных органах, до самого последнего времени продолжали поступать отдельные дополнения и поправки к проекту. Все эти дополнения и поправки обсуждались в Совете Народных Комиссаров, и большинство их в той или иной степени нашло отражение в проекте, который будет рассматриваться предстоящей сессией ВЦИК.

Задачей настоящей статьи является освещение, хотя бы в общих чертах, особенностей этого проекта и отличий его от пока что действующей главы о бытовых преступлениях.

Прежде всего, следует отметить изменение, внесенное в наименование той группы преступлений, которые вошли в проектируемую главу, а с этим и в заголовок самой главы. Заголовок, которой носит действующая глава—о бытовых преступлениях, является несоответствующим ее содержанию, поскольку преступлениями, предусматриваемыми главой, конечно, далеко не охватываются все бытовые преступления в широком понимании этого слова. Имеется целый ряд преступлений, которые, как порожденные бытом, представляются типично бытовыми, но которые, как не являющиеся характерными, и именно для национальных областей, не требуют выделения из общих глав Кодекса. Поэтому наименованная главой о бытовых преступлениях проектируемая глава, как и глава действующая, оказалась бы неполной. И для наименования данной группы преступлений взят более точный признак, по которому отдельные их виды выделя-

На помощь трудящимся Крыма.

(О кабалных сделках периода землетрясения).

Тяжелые дни, которые пережил Крымский полуостров во время последнего землетрясения, надолго оставили трудно изгладимые следы во всех областях хозяйственной жизни Крыма. Но трудности эти не остановили Правительство, которое, естественно, взяло на себя инициативу по восстановлению разрушенного края. Правительство ассигновало и расходует большие суммы, в первую очередь идущие на восстановление курортов и их хозяйств, поставив себе целью дать возможность трудящимся северных и центральных губерний в ближайшем наступающем сезоне использовать целительные силы Крыма для укрепления и восстановления их здоровья. Правительство приняло на себя регулирование помощью со стороны пролетарской общности, откликнувшейся на бедствие сограждан даже из глухих уголков Союза.

Однако, как бы велики ни были затраты материальных средств и энергии со стороны Правительства (а они по вполне понятным причинам не могут не быть ограниченными), полное возрождение Крыма, следствием которого явится дальнейшее развитие его хозяйства и дальнейшее использование его природных богатств,

возможно только по истечении более или менее продолжительного периода времени. И не раз еще в течение ближайших лет перед нами встанут вопросы, ведущие свое начало от крымского землетрясения 1927 года.

На одном из таких вопросов, в данное время наиболее остром, я и считаю нужным остановиться в настоящей статье.

Я имею в виду ряд сделок по отчуждению имущества, заключенных жителями Крыма в период землетрясения и в следствие землетрясения; сделок, которые совершались на колеблющейся территории, а результаты которых сказались теперь, когда землетрясение утихло и жизнь начинает принимать обычные формы.

Всем известно, какой поток беженства из Крыма вызвало последнее землетрясение. Психологически это явление вполне понятно. Если землетрясение вообще представляет собой жуткое проявление стихийной силы и ее власти над человеком, то крымское землетрясение в сентябре прошлого года имело все основания к тому, чтобы привести население в паническое состояние.

С одной стороны, крымские жители такого землетрясения еще не пережили, у них не было надлежаще-

го «опыта» в этой области (а ведь человек в известной мере привыкает и к землетрясениям).

С другой стороны, географические условия Южного берега Крыма таковы, что там землетрясение должно восприниматься с большим отчаянием, нежели где-либо в другой местности. С севера—горный хребет Айлы, вытянувшийся дугой и концами ниспадающий в море, с юга—безбрежное Черное море. Этот отрезок суши во время землетрясения в предствлении мятущихся жителей превратился в клетку, в западню. Инстинкт человека гонит его во время землетрясения в открытые и ровные места, а на Южном берегу такой равнины нет. И горы, и море внушают ужас. Недаром некоторые из панически настроенных землетрясенцев, выбившись из сил после ряда бессонных ночей и в конце концов заснувшие на несколько часов, совершенно невольно просыпались в страшных движениях: мозг еще полностью не освободился от сонного состояния, а руки с ужасом шарят по земле—суша или вода? Провалились или еще нет?

Из Крыма бежали. Одни (главным образом, приезжие) обратились в бегство после первого же толчка. Другие на второй, третий и последующие дни землетрясения, потеряв надежду на то, что оно прекратится. Куда бежали? Туда, где земля спокойна, где твердо и уверенно чувствуется почва

лись в главу—связь с отношениями родового быта, а отсюда и глава получила заголовок—«о преступлениях, составляющих пережитки родового быта».

Далее, глава получила иное, чем прежде, построение. Тогда как действующая глава о бытовых преступлениях представляет из себя совершенно отдельную для каждой автономной республики и области главу, проектируемая глава обща для всех национальных территорий. Такое построение является более правильным хотя бы уж потому, что большинство из входящих в главу статей предусматривает преступления, встречающиеся на всех охваченных главой территориях (например, калым). Для определения того, какие именно статьи распространяют свое действие на отдельные территории, в главу введена особая статья, которая дает возможность более простого регулирования применения как всей главы, так и отдельных из входящих в нее статей. Существует, наряду с этим, и еще более радикальное предложение, имеющее под собой известное основание, об отказе и от такого заранее фиксированного определения территориального применения главы, с тем, чтобы допустить возможность ее применения во всех случаях, когда обстоятельства того или иного преступления, по существу совпадающего с предусмотренными главой, позволяют признать его исходящим из пережитков родового быта. Вопрос этот, являющийся, конечно, спорным, следует ожидать, будет поставлен при обсуждении проекта на сессии.

Каковы же основные отличия проекта от действующей главы о бытовых преступлениях?

Статьи последней по их содержанию могут быть разбиты на четыре группы: 1) о преступлениях, происходящих из обычаев кровной мести, 2) о преступлениях против свободы и достоинства женщины, основанных на крепостническом к ней отношении, 3) о преступлениях

против малолетних и несовершеннолетних, основанных на использовании почти неограниченной в быту родительской власти (брак с недостижим половой зрелости), и 4) о преступлениях, представляющих самоуправное разрешение различных конфликтов между семьями, родами, племенами. Все эти четыре группы знает и проект, который вводит новую, пятую группу статей—о преступлениях, основанных на использовании родовой верхушечной религиозной и экономической зависимости от нее низов.

Чрезвычайно важную особенность, отличающую проект от действующей главы в части, касающейся первой из названных групп преступлений, представляет собой статья, предусматривающая уклонение членов рода убитого от примирения с убийцей и его родом в порядке, установленном местным положением о примирительном производстве. Эта статья своим указанием на применение примирительного производства для ликвидации кровничества распространяет этот новый, но уже испытанный, с положительными результатами на опыте (Ингушская автономная область), способ борьбы с одним из наиболее живучих и распространенных пережитков на все территории, где он имеет место. Примирительное производство становится обязательным для враждующих сторон под страхом необычайной, но, надо сказать, наиболее подходящей для данного рода преступлений меры социальной защиты—удаление из пределов данной местности, соединенное с конфискацией имущества. Враждующие ставятся перед альтернативой: либо подчинение тем условиям примирения, какие с участием самих враждующих выработает особый примирительный орган, в состав которого войдут и представители государственной власти и представители общественности, либо удаление из той обстановки, которая толкает на продолжение кровничества.

под ногами. Впрочем, та характерная географическая особенность Южного берега Крыма, о которой я сказал выше (западня), сказалась в том, что многие бежали в Симферополь: правда, и там было землетрясение, но там не видно моря и это по ту сторону горного хребта.

По извилистому шоссе в горах, что ведет от морского берега в Симферополь, то и дело встречались татарские арбы с хламом, на котором воедали жертвы землетрясения третьего порядка (после убитых и раненых жертв). Нельзя сказать, чтобы имущество, которое везли с собою в новые края крымские беженцы, отличалось особой ценностью или вообще являлось самым необходимым для владельцев. Здесь больше имела значения случайность. Брали с собой то, что не погубило среди развалин, что случайно попадалось под руку и чего не успели продать. Да, именно продать, потому, что продажа шла во всю.

Не так много было покупателей, но продавали почти все. Нужны были средства на дорогу, на первое время жизни в новых местах, до того времени, пока будет работа. А тем, что покупали, вовсе не нужно было то имущество, которое они приобретали. В самом деле, еще 11 сентября, за один только день до землетрясения, на рынке вовсе не было такого спроса на всякого рода имущество (безраз-

лично какое), который вдруг обнаружился одновременно с потоком беженства. Здесь произошло нечто противное законам политической экономии: предложение родило спрос. В ответ на нужду пострадавших от землетрясения зазвенела мошна кулака, и он явился «спасителем» нуждающихся и обездоленных, пришел на «помощь». А помощь, действительно, была грошевой: имущество продавалось за бесенок. У продавца даже не спрашивали цены: цена назначалась покупателем. И вот в результате такого «благоедеяния» беженцы имели возможность перекочевать в Джанкой, Мелитополь, Харьков, Москву, рассыпались небольшими группами по селам и деревням Союза в поисках новой оседлости, а «благодетели», обремененные массой приобретенного ими имущества, остались на своих постах выжидать лучших времен. Они рисковали многим, но зато впереди открывались богатейшие спекулятивные перспективы: было из-за чего рисковать.

Прошли месяцы. Крым время от времени содрогался—чем дальше, тем меньше—и постепенно совсем успокоился. Сперва этому спокойствию как-то не совсем доверяли: а вдруг опять содрогнется? Но сейчас о возможности землетрясения даже не говорят. Сейчас все внимание направлено на приведение в нормальное состояние крымского хозяйства. Работа кипит. Уже открылись санато-

рии. Более того, в Крым уже прибывают больные. Есть все основания считать, что начинающийся курортный сезон будет использован полностью на все 100%. Поразительно с восстановлением жилфонда. Но и здесь можно с уверенностью сказать, что и эта задача будет выполнена: пострадавшие от землетрясения строения уже передаются на правах достройки коллективам и отдельным лицам. В ближайшие годы Крыму предстоит массовое капитальное (антисейсмическое) строительство и связанное с ним развитие гражданского оборота.

Постепенно в Крым возвращается к насильственным местам коренное население. Мрачные картины, рисовавшиеся беженцам в отношении Крыма, остались только плодом их возбужденного воображения; а с другой стороны, их надежды на спокойную жизнь в новых краях не оправдались: жилищный кризис и безработица оказались не менее могущественными факторами, нежели землетрясение. Итак, сперва по одиночке, затем семьями и под конец уже группами домой, на юг, где «все же ярче солнце светит и море омывает берега».

Да, свой край оказывается лучшим. Но тут-то перед возвратившимися встает вопрос о том имуществе, что с таким трудом было ими нажито и так легко перешло в руки спекуляторов, которые от вторичного благо-

Из статей второй группы наиболее существенно изменена статья, предусматривающая принуждение женщины ко вступлению в брак. Во-первых, к принуждению, которое, понятно, может быть применено преимущественно, если не исключительно, родителями женщины или лицами, их заменяющими, приравнено похищение ее с целью вступления в брак, как вид того же принуждения, могущего быть примененным посторонним лицом. Наконец, уже в самое последнее время статья дополнена включением случаев принуждения к продолжению брачного сожительства. Это дополнение в основе своей имело сообщение прокурора Чеченской автономной области о часто наблюдающихся случаях отказа мужей при желании женщины прекратить брак от выполнения некоторых обрядностей (публичное произнесение определенных слов и т. п.), каковой отказ в условиях местной жизни равносителен лишению женщины возможности осуществить свое намерение и, следовательно, является способом принуждения к продолжению сожительства.

Данная статья снабжена особым примечанием, которое оговаривает распространение на случаи, когда принуждение сопровождалось изнасилованием женщины, действия общей статьи Кодекса, предусматривающей названное преступление. К этой же статье, главным образом, относится и включенное в проект примечание к ст. 11 Уголовно-Процессуального Кодекса, которое допускает возбуждение дела о преступлении, составляющем пережиток родового быта, независимо от жалобы потерпевшей, даже в тех случаях, когда имело место изнасилование.

Снабжена неизвестным действующей главе о бытовых преступлениях примечанием и статья, преследующая двоеженство и многоженство. Согласно этому примечанию, имеющему бесспорно большое значение, действие

статьи не распространяется на те случаи двоеженства и многоженства, когда сожительство началось до издания данного уголовного закона, т. е. до введения в действие главы о бытовых преступлениях на территориях, охваченных этой главой, и до введения в действие проектируемой главы во всех остальных национальных областях, где данное явление имеет место.

Следует отметить и относящееся к этой статье и статье о вступлении в брак с лицом, не достигшим половой зрелости (разбор ее ниже), дополнение ст. 66 Земельного Кодекса примечанием 3-м, также включенным в проект, определяющим гражданские последствия данных преступлений. По этому примечанию «в случае осуждения одного из членов двора... женщины, потерпевшие... продолжают пользоваться всеми правами лиц, входящих в состав двора вследствие брака».

Последнее отличие статей данной группы относится к статье, предусматривающей дачу и получение выкупа за невесту (кальма). Тогда как соответствующая статья действующей главы ограничивает состав выкупа «скотом, деньгами или иным имуществом», проект, основываясь на данных, поступивших с мест, расширяет понятие выкупа включением в статью указания и на случаи уплаты выкупа «личным трудом».

Преступлениям третьей группы проект, как и действующую главу, посвящает всего одну статью. Она предусматривает вступление в брак или принуждение к заключению брака лица, не достигшего половой зрелости, приравнивая это преступление по санкции к ст. 151 Кодекса (половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости). Имеются возражения против сужения применения данной статьи указанием на недостижение половой зрелости. Возражающие, ссылаясь на практическую невозможность в условиях, где данное пре-

деяния (уже без кавычек) отказываются. Сделка совершена, деньги уплачены—говорить не о чем.

Так ли это? С точки зрения «чистой юриспруденции» (читай: буржуазной), пожалуй, и так: сделка есть результат свободного волеизъявления сторон, договоры—священны. Поэтому-то и рабство пролетария было только «свободным» договором рабочего с капиталистом о продаже рабочей силы. Но мы давно отказались от такой «свободы». И вопрос о сделках периода крымского землетрясения мы решим, исходя не из принципов «чистой юриспруденции», а из принципов защиты слабейшего и развития производительных сил страны.

Итак, еще раз бегло вспомним сентябрьские и октябрьские дни Крыма в том разрезе, который нас сейчас интересует, и увяжем их с правовыми нормами. Действительно ли «свободное» волеизъявление сторон породило в эти дни ряд сделок по отчуждению имущества и подлежат ли эти сделки защите со стороны советского закона и суда?

Прежде всего, возникают серьезные сомнения по поводу психического здоровья крымских жителей, в панике уезжающих на север. В общей печати в свое время этот вопрос освещался, и компетентные следователи признали, что паника крымских землетрясенцев временно отклонилась от нормы. Действительно, если мы вспомним или представим состояние

панически настроенных жителей Крыма в сентябре и октябре пр. года, то мы должны склониться к выводу, что тогда они находились в таком состоянии, когда они не могли полностью понимать значения своих действий.

Но если даже оставить в стороне вопрос о психическом состоянии жертв землетрясения, то и по другим основаниям мы должны признать, что сделки по отчуждению их имущества в основе своей порочны. В самом деле, характерной особенностью каждой такой сделки являлись крайняя нужда для продавца и использование этой нужды для покупателя. Отсюда—явная невыгодность, кабальность сделки для собственников имущества.

Наконец, какое социально-хозяйственное значение имеют эти сделки? Безусловно, резко отрицательное с точки зрения развития производительных сил страны. Вообще спекуляция не только ничего общего с развитием производительных сил не имеет, но эти явления—прямо противоположны.

Все это диктует нам линию поведения в вопросах о нашем отношении к «свободному волеизъявлению сторон» по поводу отчужденного в дни крымского землетрясения имущества.

Конечно, никакой защиты приобретателям имущества и, конечно, всемерная помощь трудящимся—жертвам спекуляции!

Мы должны всячески содействовать восстановлению первоначального положения в имущественном положении трудящихся, под влиянием крайней нужды и в состоянии психической подавленности лишившихся необходимых экономических благ; мы должны содействовать им в благоустройении на прежнем месте жительства.

Для этого в первую очередь нужна соответствующая правовая пропаганда. Необходимо широко оповестить трудящееся население крымских городов и деревень о той помощи, на которую они могут рассчитывать со стороны судебных органов в смысле расторжения кабальных сделок.

Затем необходимо в ударном порядке провести рассмотрение дел об этих заключенных в период землетрясения сделок с широким применением ст. 149 Гр. Кодекса, т. е. с обращением сумм, уплаченных покупателем продавцу, в доход Республики.

Для проведения этих мероприятий никаких особых законодательных актов издавать нет надобности. Наше действующее законодательство дает полную возможность оказать пострадавшим реальное содействие. Необходимо только заострить на этом внимание органов прокуратуры, суда и сельской власти.

Вопрос об этой помощи трудящимся Крыма—вопрос нынешнего дня и требует неотложного разрешения.

Л. Азов.

ступление имеет наибольшее распространение, определения в каждом отдельном случае наступления половой зрелости, выдвигают предложение о применении данной статьи к случаям вступления в брак или принуждение к этому лица, не достигшего брачного возраста.

Четвертая группа в проекте имеет неизвестную действующей главе статью, предусматривающую случаи нападения в целях саморасправы на личность, семью, род или племя, на жилище или место обитания по родовой или племенной вражде. В этом отношении действующая глава, предусматривающая только бартму (баранту), т.е. самоуправные действия в форме захвата имущества того, от кого хотят получить в том или ином виде удовлетворение, является пробельной, т.к. в ряде национальных областей предусматриваемое проектом явление представляется достаточно распространенным. Как и действующая глава, проект оговаривает (в особой статье) применение общих статей Кодекса в тех случаях, когда столкновение сопровождается побоями, ранениями, убийством и т.п.

Наконец, пятая, совершенно новая группа преступлений, представлена в проекте двумя статьями. Одна из них говорит, о случаях присвоения судебных полномочий вынесением решений по адату (обычаю коренного населения) с нарушением основ советского права. Статья имеет в виду не простое обращение к обычному праву, а порабощение верхушкой родового быта низов, путем использования зависимости последних, протекающей из отношений родового быта, для установления их фактической зависимости.

Вторая статья предусматривает случаи принудительного взимания сборов на религиозно-бытовые цели. Социальная опасность этого явления заключается в том, что и здесь используется зависимость плательщиков, опять-таки протекающая из отношений родового быта, и сборы, имея видимость добровольных, носят определенно принудительный характер, а собираемые таким путем средства используются в направлении укрепления родовых традиций.

В остальном проект по существу совпадает с действующей главой.

Несколько слов о санкциях главы. В этом отношении проект строился в направлении возможно большей увязки с Кодексом. Поэтому в нем нашла отражение общая, проведенная в Кодексе линия по снижению репрессии, как в виде снижения в некоторых статьях сроков лишения свободы, так как и в виде отклонения всех тех предложений мест, которые, не считаясь с указанной линией, требовали повышения отдельных мер социальной защиты против тех их пределов, которые установлены действующей статьей.

А. Иодковский.

Тюремный режим и досрочное освобождение.

(По материалам Центральной Распределительной Комиссии).

Наш Исправительно-Трудовой Кодекс на практике частенько толкуется довольно своеобразно, совершенно, так сказать, изолированно от основных начал нашей карательной политики. Говорят так: осужденный, попадая в исправдом, становится исключительно объектом «исправления», к нему, мол, кто бы то ни был, должны при-

меняться механически все нормы И. Т. К., поскольку предусмотренная этим законом прогрессивная система — единственно правильный путь к исправлению.

Конкретно эта либеральная теория тюремной демократии выражается в довольно щедрым зачете так называемых рабочих дней всем категориям тюремных сидельцев, в механическом их переводе из разряда в разряд, по мере наступления соответствующих сроков, в поспешном снятии установленной судебным приговором строгой изоляции, в опрометчивых переводах в колонии, направлении на внешние работы, предоставлении краткосрочных отпусков и в досрочном освобождении немедленно по отбытии полсрока, часто даже в связи с зачетом рабочих дней и несколько раньше.

Необходимо прежде всего разобраться в теоретической установке некоторых товарищей пенитенциарных работников в том, что наши законы всегда держат курс на исправление любого осужденного, посмотрим, так ли оно на самом деле. Статья 9 Уголовного Кодекса говорит о трех целях мер социальной защиты, которые применяются для: а) предупреждения новых преступлений со стороны лиц, совершивших их, б) воздействия на других неустойчивых членов общества и в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся.

Исправительно-Трудовой Кодекс говорит о тех же трех целях нашей карательной политики, так что теория исправления всех и вся в нашей, советской расшифровке этого понятия, т.е. «приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся» является либеральной дребеденью, чуждой нашему законодательству. Совершенно очевидно, что мы и не собирались исправлять, примерно, попов, в свое время осужденных за противодействие изъятию церковных ценностей; более чем ясно, что спекулянты-валютчики, шулера, чиновники, проигрывающие казенные деньги в казино, на бегах, злостные растратчики — кутилы, аферисты-мошенники крупного калибра, различные темные дельцы изповской окраски с ярлыками хищников, взяточдателей, являются чрезвычайно неблагоприятными объектами для «исправительного» приспособления и т.д. А между тем, именно эти грамотные, «культурные» тюремные обитатели, главным образом, направляют на использование своих «демократических» прав: как же, мы мол, под сенью Исправительно-Трудового Кодекса, извольте нас «исправлять», что на их «блатной музыке» звучит: как бы поскорее от вас избавиться, чтобы вновь пуститься на «работу» по продуманным на досуге преступным путям... Либеральная теория всеобщего исправления приводит на практике и к другим несуразностям, далеко не единичным. Мы, оказывается, не только всех исправляем, но и сроки для нас неважны: в любой срок можем исправить. Ни для кого не секрет, что краткие сроки лишения свободы являются исключительной мерой воздействия, самым обыкновенным применением принуждения против мелких нарушителей революционного правопорядка. Я считаю, что в таких случаях надо, по возможности, переходить к другим мерам воздействия, по все же, надо думать, никто всерьез не может говорить об «исправлении» в месячный срок... Практика упорно твердит, упираясь на эту злополучную теорию, об исправлении... даже в недельный срок... С этой неправильной теоретической установкой нужно раз и навсегда покончить. Еще в 25 году мы писали, что прокурорскому надзору в советских тюрьмах чаще всего приходится «сталкиваться с таким либерализмом, что хоть куда»... теперь, в 28 году, — явления те же.

Посмотрим, как конкретно истолковывается И. Т. К. применительно к этой теории:

1. Зачет рабочих дней. — ИТК смотрит на зачет рабочих дней исключительно как на меру поощрительную, если в течение отбывания лишения свободы выяснится «проявление заключенным из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретения им профессиональных навыков, свидетельствующих о прошедшем приспособлении к условиям трудового общежития» (ст. 52 ИТК). Совершенно очевидно, что здесь не может быть и речи о зачете любых рабочих дней, любой работы, в особенности, если занятия сами по себе (в канцелярии, в культпросвете) являются мерами, облегчающими тюремный режим.

Что же мы видим на практике?

1. Костромская РК (по протоколам от 13/II—28 г.) рассматривает 77 вопросов о зачете рабочих дней, все удовлетворяет.

2. Владимирская РК (по протоколам 1—7 от 28 года) рассматривает 442 вопроса о зачете рабочих дней, удовлетворяет 424, т.е. более 95%.

3. Минусинская РК (протокол от 6/II—28 г.) тоже удовлетворяет все 62 ходатайства о зачете рабочих дней.

Р. К. Дагестанской ССР в 158 случаях из 198 (по протоколам за №№ 12, 13 и 14) удовлетворяет ходатайства о зачете рабочих дней, что составляет около 80% удовлетворения.

Эти массовые зачеты рабочих дней вряд ли свидетельствуют об «особо продуктивном труде», речь, очевидно, идет о механическом понимании ИТК, об отражении «успехов» теории «исправления» в статистическом суммировании зачетных дней...

Такую практику массового зачета рабочих дней надо изжить, выравняв ее с требованиями И. Т. К.

Перевод из разряда в разряд. — И. Т. К. обуславливает эти переводы «минимальным сроком», который заключенный должен проработать в разряде, но и этот перевод не должен производиться начальником механически, только за истечением срока. Ст. 102 и п. 2 ст. 20 ИТК регулируют этот вопрос. На практике приходится сталкиваться с переводами в высшие разряды только при наступлении сроков. И эту сторону дела нужно упорядочить.

Досрочное освобождение. — Только исходя из ложной теории исправления, как единственной цели нашей карательной политики, можно объяснить допущение досрочного освобождения во всех случаях.

Поскольку наш закон (ст. 9 УК) говорит и об общем предупреждении, как о цели меры соц. защиты, в таких случаях досрочное освобождение «исправляющихся» не имеет никакого смысла. Здесь может быть речь о минимизации социальной опасности явления, а не об исправлении отдельных осужденных. Примерно, досрочное освобождение всех рядовых из осужденных за сопротивление изъятию церковных ценностей (по союзной амнистии 23 г.) имело политический смысл, а досрочное освобождение любого из этих осужденных служителей культа, как «исправившегося» — несуразность. Стало быть, увязывая практику досрочных освобождений с основными целями нашей карательной политики, можно прийти к заключению, что отбытие 1/2 срока далеко не всегда обосновывает досрочное освобождение по И. Т. К. Поскольку, как мы указали выше, и краткие сроки лишения свободы не преследуют (не могут преследовать) целей исправления, постольку досрочное освобождение краткосрочных по чисто арифметическим соображениям, завуалированное

«исправительной» терминологией, не может иметь места.

Сторонники теории всеобщего исправления, конечно, охотно предлагают вернуться к минимуму в 6 месяцев лишения свободы, т.е. к исключению кратких сроков лишения свободы, как меры социальной защиты, вообще, подчеркивая тем самым, что тенденция нашего законодательства к систематическому снижению минимума лишения свободы до 1 дня была неправильна.

Имеется предложение (Р. К. И.) минимум лишения свободы установить в один месяц.

По-моему, если на краткие сроки лишения свободы смотреть как на известную остротку для мелких нарушителей нашего правопорядка, если при этом не задаваться исправительными целями, то вычеркивать краткие сроки лишения свободы из мер социальной защиты не следует. Они до поры до времени должны быть сохранены в установленных пределах (от 1 дня). Отсюда вовсе не следует, что краткие сроки лишения свободы нужно практиковать при всяком мелком правонарушении, поскольку. Суд, по общей тенденции нашей карательной политики, должен всегда ставить перед собой вопрос, нельзя ли заменить лишение свободы, хотя бы и краткосрочное, иными мерами социальной защиты: принудительными работами, штрафом, общественным порицанием и т. д. Но если эта замена по тем или иным обстоятельствам невозможна, нельзя ставить суд, как это имело место раньше, в такое положение, чтобы он не мог приговаривать к лишению свободы на срок менее 6 месяцев.

Откинув теорию всеобщего исправления, установив, как правило, скупое отвешивание краткосрочного лишения свободы, нужно вместе с тем абсолютно прекратить досрочное освобождение «исправившихся» в двух-трехмесячный, а тем более недельные сроки.

Нужно изжить практику досрочного освобождения осужденных, отбывших менее 6 месяцев лишения свободы. Это значит, что осужденные до 6 месяцев досрочно вовсе не освобождаются, осужденные свыше 6 месяцев могут быть досрочно освобождены только по отбытии 6 месяцев. Предлагаемая мера подлежит осуждению, противоречит ли она нашему законодательству. По-моему, нет.

Досрочное освобождение может последовать только, когда речь идет об исправившемся осужденном; поскольку краткие сроки и «исправление» несовместимы, постольку с ними (с краткими сроками) не вяжется и досрочное освобождение.

Еще несколько слов об увязке зачета рабочих дней с досрочным освобождением. Ст. 458 УПК говорит о 1/2 срока, как об обязательном минимуме. «Условно-досрочное освобождение может последовать по постановлению РК лишь по отбытии при осужденным к лишению свободы или принудительным работам не менее половины срока наказания. А на практике РК освобождают большей частью немедленно при наступлении 1/2 срока. Установленный законом минимум фактически, не всегда, но довольно часто, превращается в максимум... Всегда ли РК соблюдают и этот максимум? Зачет рабочих дней, как массовое явление, снижает и этот законом установленный минимум. Приведем маленький расчет. Какой-нибудь заключенный осужден на четыре года. Через несколько месяцев он уже начинает проявлять «особо продуктивный» труд, в результате — в течение первых 1 1/2 лет у него 6 месяцев зачетных рабочих дней, что вместе с отбытым 1 1/2 годами составляет 1/2 срока, а это уже ведет к досрочному освобождению. Таким образом, зачет любой работы уменьшает любому заключенному установленный 458 ст. УПК минимум срока. По-моему,

нужно стать ближе к закону. Прежде всего: «не менее половины срока наказания». А ежели половина отбыта, то в зависимости от условий, перечисленных в ст. 17 ИТК, в зависимости от работы заключенного в течение отбытого минимума, может идти речь и о зачете рабочих дней и о досрочном освобождении. Повторяем, что всеобщий «исправительный» раж да еще в любой срок, нужно отбросить. Само собою понятно, что указанные ненормальности тюремного режима, уклоны в практике досрочного освобождения тем легче будут изжиты, чем скорее наши суды будут более скупы на приговоры с лишением свободы, в особенности на краткие сроки. Не потому только, повторяем, что в течение кратких сроков никого нельзя исправлять (при незначительных правонарушениях исправление и не имеется в виду), а просто потому, что лишение свободы в наших советских условиях является чрезвычайно серьезной мерой социальной защиты, крепко бьющей по все растущему сознанию трудящегося.

Такой осторожный подход судебного приговора к кратким срокам лишения свободы поможет изжить перманентную тюремную перегрузку, давящую на тюремный режим и досрочное освобождение, которые построены на совершенно правильных началах И. Т. К.

С. Файнблит.

Скотокрадство в трудовом скотоводческом хозяйстве.

(По поводу ст. т. Шаповалова в «Е. С. Ю.» № 9—28 г.).

Ст. 166 Угол. Код. гласит: «Тайное, а равно открытое похищение лошадей или другого крупного скота у трудового земледельческого населения, лишение свободы на срок до пяти лет». Что это значит? Почему законодатель выделяет в особую статью с усиленной санкцией кражу крупного скота и лошадей у трудового земледельческого населения? Чем вызвана такая суровая санкция данной статьи? Если мы внимательнее разберемся в ст. 166 Уг. Код., то поймем, чем вызывается такая необходимость: Мы знаем, что подавляющее большинство населения нашего Союза крестьяне-хлеборобы, крестьяне бедняки и середняки. Также мы знаем, что благополучие земледельческих хозяйств многомиллионного крестьянства зависит от наличия в крестьянском дворе лошадей, волков и других видов крупного скота, являющегося рабочим скотом данного хозяйства. Крупный рогатый скот, являясь основным средством производства земледельческого хозяйства, имеет большое значение в жизни крестьянина. Кража крупного рогатого скота лишает земледельческое хозяйство основных средств производства, способствует его развалу, порою наносит такой непоправимый ущерб, что после этих краж хлебороб превращается в беспомощного крестьянина, принужденного продавать свою рабочую силу. Кража рабочего скота у сельского хозяйственного двора, разоряя последних, превращает членов этого двора из самостоятельных крестьян в батраков. Нанося материальный ущерб индивидуальным хозяйствам, такие кражи тем самым ослабляют экономическую мощь нашего Союза, разваливая сельское хозяйство. Кража крупного скота в неземледельческих хозяйствах, в том числе и в скотоводческих, не вызывает тех последствий, какие мы видим в земледельческих хозяйствах; кража крупного скота в нетрудовых земледельческих хозяйствах тоже не может привести к развалу это хозяй-

ство, ибо нетрудовые земледельческие хозяйства основаны на эксплуатации и выколачивании прибавочной стоимости. Хозяйства, основанные на эксплуатации батраков, экономически сильны, и кража у них двух-трех голов крупного скота не может привести их к краху. Поэтому законодатель особо выделяет ст. 166 Уг. Код. для скотокрадов, в краже которых объектом является крупный скот трудовых земледельческих хозяйств.

Ясно, что для применения ст. 166 Уг. Код. требуется кража крупного скота, принадлежащего трудовым земледельческим хозяйствам и только трудовым земледельческим хозяйствам. И ряд других хозяйств могут иметь крупный скот, но кража их не может квалифицироваться по ст. 166 Уг. Код., ибо это будет противоречить духу закона. С этой точки зрения совершенно правильно разъясняет Пленум Верховного Суда РСФСР (протокол № 11, п. 5 Е. С. Ю. № 33—27 г.), что кража крупного скота не в трудовых земледельческих хозяйствах и в других хозяйствах не может квалифицироваться по ст. 166 Уг. Код., а должна квалифицироваться или по ст. 162 или по ст. 165 по обстоятельствам дела.

Тов. Шаповалов (в «Е. С. Ю.» № 6—28 г.) недоумевает по поводу этого разъяснения и находит его вредным, чуть ли политически не целесообразным. Если допустить с точки зрения узко-районных интересов, представителем и защитником которых является т. Шаповалов, что может быть он прав, то ведь статьи УК призваны защищать интересы всей Федерации и они должны отражать общие интересы. Коль скоро общие статьи УК не соответствуют интересам автономных республик или недостаточно их обслуживают, так нужно в установленном порядке добиваться введения новых статей для этих районов. Нельзя коверкать и изменять с ущербом для громадного большинства Федерации общие статьи из-за того, что они не отражают узко-районные интересы. «В течение 5½ лет не возникало сомнений у работников Казахстана относительно возможности применения ст. 166 УК к скотокрадам из скотоводческих хозяйств»—говорит т. Шаповалов. Если у них сомнений не возникало и они применяли статью 166 и к скотоводческому хозяйству, то это не значит, что они поступали правильно, а значит, что они до сих пор ошибались в толковании ст. 166 Уг. Код.

Хотя скотоводческое хозяйство, как и земледельческое хозяйство, в одинаковой степени выполняет свое социально-хозяйственное назначение (всякое хозяйство выполняет свое социально-хозяйственное назначение), но это отнюдь не значит, что кража рогатого скота в скотоводческом хозяйстве также разваливает его, как и в земледельческом хозяйстве. В этом глубокая разница и в этом основной мотив существования специальной статьи 166 УК для ограждения от разрушения трудовых земледельческих хозяйств. Скотовод с несколькими десятками крупного скота не превращается в беспомощного и в несамостоятельного хозяина после кражи у него 2—3 голов скота, а крестьянин, хозяйство которого держится на одной лошади или на двух волах, превращается в беспомощного, несамостоятельного хозяина, если у него украдут эту лошадь или пару волков. В двух неодинаковых результатах от одинаковых краж скота и кроется вся суть ст. 166 Уг. Код.

Дальше т. Шаповалов спрашивает: «Теперь это понятие, усвоенное практикой и применявшееся больше полдесяток лет, изменяется (?), спрашивается, в угоду кому и чему». Дело-то в том, что практикой такое понятие едва ли где усваивалось и применялось, разве только в

Казахстане, и изменять-то никто ничего не изменяет. Разъяснение Верховсуда не изменяет ст. 166 Уг. Код. ни по форме, ни по духу, а абсолютно соответствует ему. Другое дело, что практика и понятия, установившиеся в Казахстане, не соответствуют духу ст. 166 Уг. Код. и произвольны, поэтому т. Шаповалову кажется, что разъяснение Верховсуда противоречит ст. 166 Уг. Код. Тов. Шаповаловым и его товарищами по работе в Казахстане неправильно была усвоена статья 166 УК, благодаря чему они не могут согласиться с разъяснением Верховсуда РСФСР.

В конце своей статьи тов. Шаповалов находит целесообразным в ст. 166 Уг. Код. прибавить слово «и скотоводческое хозяйство». Я нахожу это не то что излишним, но и вредным для большинства губерний РСФСР по следующим соображениям. Основная отрасль нашего народного хозяйства это хозяйство земледельческое. Ст. 166 Уг. Код. является специфической статьей, охраняющей трудовые земледельческие хозяйства от весьма социально-опасного для них явления скотокрадства. Если в эту статью мы прибавим слово «скотоводческое», то этим мы ослабим боевую роль этой статьи. Статью во всей Федерации будут применять ко всем случаям кражи крупного скота и там, где нужно и полезно, и там, где не нужно. Статья потеряет свою выпуклость, свое специальное назначение. Тем более в подавляющем большинстве наших губерний преобладающим видом сельского хозяйства является трудовое земледельческое хозяйство, и разбавление ст. 166 УК словом «скотоводческим» для этих губерний излишне.

Если в Казахстане основной отраслью сельского хозяйства является скотоводство, если 64% всех скотоводов мелкие и бедные скотоводы, если скотокрадство разрушает их хозяйство и население ропщет на слабость борьбы, и если общественные организации усилению борьбы со скотокрадами придают большое политическое значение, так в чем же дело. Товарищи из Казахстана добивайтесь для вашего района, на основании существующих положений, специальной, бытовой статьи, обеспечивающей ваше скотоводческое хозяйство от скотокрадов.

Ст. 166 УК тут не при чем, она призвана охранять определенные интересы трудовых земледельческих хозяйств и такой она должна остаться в дальнейшем.

Председатель главного суда *Ибр. Махмудов.*

г. Махач-Кала Дагестанской АССР.

Нужно ли изменять ст. 242 Гр. Проц. Кодекса.

В «Е. С. Ю.» № 44 1927 года т. Кабанов вносит предложение об изменении ст. 242 Гр. Пр. Код. с тем, чтобы новая редакция этой статьи давала гражданско-кассационному отделению губсуда право рассматривать кассационную жалобу при неявке сторон и в тех случаях, когда в деле отсутствуют сведения о вручении сторонам повесток.

Свое предложение об изменении указанной статьи Гр. Пр. Код. т. Кабанов мотивирует тем, что при существующем порядке рассмотрения кассационных жалоб, когда Г. К. О. может рассматривать дело при неявке сторон лишь только в том случае, если имеются сведения о вручении сторонам повесток, губсуд, соблюдая формальность ст.ст. 242 и 243 Г. П. К., откладывает из-за этого большое количество дел, что тормозит работу кассацион-

ной инстанции в смысле быстроты рассмотрения кассационных жалоб. Изменением же ст. 242 Г. П. К. в указанном направлении была бы достигнута быстрота в прохождении дел в Г. К. О. губсуда.

Мы вполне согласны с тов. Кабановым, что при таком порядке была бы достигнута быстрота в прохождении дел на все 100% и ни о каком отложении дел тогда не может быть и речи.

Однако, нужно сказать, что такой порядок рассмотрения кассационных жалоб равносителен тому, что бы рассматривать их вовсе без вызова сторон.

В самом деле. Для чего извещаются стороны в кассационной инстанции о рассмотрении их дела? Ответ ясен. Для того, чтобы (если они этого желают) они могли дать свои объяснения по существу кассационной жалобы.

След., чтобы знать, соблюдены ли права сторон, воспользовались ли они предоставленным им правом, нужно иметь об этом данные, которыми как раз и служат вторые экземпляры повесток с расписками сторон.

Отсутствие сведений о вручении повесток автор статьи хочет восполнить тем, что сторона, недовольная решением нарсуда, может изложить свои соображения в кассационной жалобе, а другая сторона в порядке ст. 240 ГПК может подать на эту жалобу свои объяснения.

Такая постановка вопроса несколько положения дела не меняет и не разрешает.

Ст. 240 ГПК очень мало известна трудящемуся населению, и не всякий, конечно, получив копию кассационной жалобы, знает, что можно подавать свои объяснения. Гр. Пр. Кодексом на суд не возложена обязанность посылать копию жалобы, делать разъяснение о порядке подачи объяснения, т. к. ст. 239 ГПК ничего об этом не говорит. Ссылаться же на ст. 5 ГПК здесь не приходится, ибо эта статья предусматривает процесс лишь в I инстанции, а подача объяснения на кассационную жалобу уже относится к судопроизводству II инстанции, предусмотренному главой XXVIII Гр. Пр. Код.

Не беря в данной статье на себя задачи вносить по этому вопросу какие-либо предложения, мы все же берем на себя смелость указать на порядок рассмотрения кассационных жалоб по гражданским и уголовным делам в Московском губсуде. УКО и ГКО указанного губсуда на 3 мес. рассылают в нарсуды расписания своих заседаний.

При подаче кассационных жалоб нарсуды тут же под расписку на жалобе объявляют кассатору о дне рассмотрения кассационной жалобы и выдают ему же (кассатору) повестку и копию жалобы для вручения противной стороне. Таким образом, кассационной инстанции никаких повесток посылать не приходится, что, несомненно, ускоряет прохождение дел в кассационной инстанции и не вызывает отложений.

Правда, здесь возникает еще вопрос в том случае, когда жалоба присылается по почте? Но назначить кассационную жалобу к рассмотрению и послать сторонам повестки должен все-равно нарсуд, т. к. отсылка дела в губсуд без назначения его к слушанию затягивала бы только процесс, ибо с момента отсылки дела нарсудом и получением его в губсуде проходит известное время, за которое посланные нарсудом повестки будут так сказать в пути, а следовательно и больше будут иметь времени на вручение, чем посланные из губсуда.

Вторые экземпляры повесток должны возвращаться почтой непосредственно в губсуд, для чего на повестках стоит только написать отправителем не нарсуд, а губсуд или пользоваться для этой цели заготовленными повестками для кассационных инстанций.

При таком порядке рассмотрения дел в кассационных инстанциях, несомненно, достигается быстрога в работе губсуда по рассмотрению кассационных жалоб, и случаи отложения могут быть лишь в виде исключения и то только в тех случаях, когда жалобы присланы по почте. Что же касается рассмотрения тех жалоб, по которым повестка противной стороне выдана для вручения кассатору на руки, то губсуду не приходится задумываться о том, вручена ли повестка другой стороне или нет, ибо в этом случае вся ответственность за вручение повестки падает на кассатора, и если будет доказано, что он скрыл повестку, не вручив ее противной стороне, то он может отвечать за это по закону.

Секретарь нар. суда *Г. Пузанов*.

село Ям Домодедовской вол. Подольского у. Московской губ.

Прежде, чем что-либо сказать об изменении ст. 242 ГПК, как это предлагает тов. Кабанов («Е. С. Ю.» 1927 г. № 22), я считаю необходимым подытожить как положительные, так и отрицательные стороны, которые мы наблюдаем в силу проведения в жизнь циркуляра НКЮ № 101 («Е. С. Ю.» 1927 г. 26), и, если только положительных результатов будет недостаточно и нельзя будет ими ограничиться, тогда можно будет подойти к обсуждению вопроса об изменении вышеупомянутой статьи.

Циркуляр НКЮ за № 101 мы стали проводить в жизнь только в последнем квартале 1927 г., и за первые два месяца его применения мы все же имеем значительные достижения.

Для примера я приведу несколько цифровых данных, характеризующих работу гражданской кассколлегии Самарского губсуда, как она работала при старом порядке вызова сторон и как протекала ее работа при новом порядке этого вызова в течение первых 2 месяцев (октябрь—ноябрь).

Когда стороны в кассинстанцию вызывались губсудом, то кассколлегии рассматривала по 456 дел в среднем в месяц, а при новом порядке, когда стороны в кассинстанцию стали вызываться нарсудами, кассколлегии за октябрь и ноябрь месяцы рассмотрела в среднем по 724 дела, т. е. более на 268 дел в месяц.

Таким образом, пропускная способность увеличилась на 37%.

Далее, небезынтересно отметить следующие явления: при старом порядке, когда требовался известный период времени на посылку повесток сторонам из губсуда, то в кассационном отделении лежали дела со дня поступления до дня слушания их: до 1 недели 0,5%, а при новом порядке вызова сторон—32%, до 2 недель 18%, а при новом порядке вызова сторон—42%, до 1 месяца 14, а при новом порядке вызова сторон—26%, свыше 1 мес. 67,5%, а в октябре и ноябре со дня поступления до дня слушания свыше одного месяца дела в губсуде не лежали. Здесь также положительные результаты налицо—момент рассмотрения дел в кассационной инстанции приближен и на много.

Вот еще один пример: до применения циркуляра № 101 у двух сотрудников кассотделения отнималась большая половина рабочего дня для писания и отправки повесток заинтересованным сторонам, что неблагоприятно отражалось на своевременной отсылке в нарсуды дел после их рассмотрения кассколлегией, а теперь, когда вопрос о написании и отправке повесток отпал, то и отсылка дел стала проходить успешнее, а именно, раньше 47,5% дел после рассмотрения залеживались в

канцелярии кассотделения свыше 2 недель, а теперь свыше 2 недель задерживается только 16%, раньше более благополучно и своевременно мы успевали отправлять 52,5% рассмотренных дел, а теперь отправляется 84%. Значит и здесь положительные результаты видны: своевременная отсылка дел увеличилась на 31,5%.

И последний сравнительный пример—это продолжительность нахождения дел в производстве кассотделения:

	Январь—Сентябрь	Октябрь—Ноябрь
До 2-х недель	0,5%	34%
» 1 месяца	15%	50,5%
» 1½ »	16%	15,5%
Свыше 1½ »	68,5%	

а в октябре и ноябре свыше 1½ месяцев дела в производстве кассотделения не находились.

Вот те достижения, которые мы наблюдаем после проведения в жизнь циркуляра НКЮ № 101.

На ряду с этими достижениями мы имеем и недостатки. Те положительные результаты, как увеличение пропускной способности на 37% и уменьшение срока нахождения в производстве кассационных дел мы достигли только, пожалуй, ради того, что нами не были ограничены нарсуды предельной цифрой назначения дел к слушанию и они присылали все обжалуемые дела на данные им дни заседаний без ограничения количества их, с таким лишь расчетом, чтобы они только успели поступить в губсуд ко дню слушания, в виду чего получалось так, на некоторые дни заседаний цифры назначенных дел достигали до 95. Но с такой работой кассколлегии приходилось справляться с большим трудом, и для того, чтобы урегулировать работу кассколлегии, мы были вынуждены дать нар. судам предельную норму, ограничив назначение дел известной цифрой, сверх которой им (нарсудам) дана возможность назначать только трудовые и жилищные дела, а все остальные обжалуемые дела должны назначаться в последовательном порядке на другие дни заседаний, заполняя их данной им нормой один за другим, и получается так, что 15 декабря 1927 года поступают в губсуд дела, назначенные к слушанию на 6 марта 1928 года. Хотя губсуд не допускает такого положения, чтобы лежали дела до 6 марта, а переназначает их на более ближайшие дни заседания, но тут приходится повторять ту работу, которая была уже выполнена нарсудом—нужно делать новые вызовы сторон, писать повестки и расходовать деньги на посылку их. Такие действия нельзя назвать достижением.

Далее, к числу недостатков следует отнести и такие далеко не желательные явления, как например: нарсудья, назначая кассационное дело к слушанию на 21 ноября, извещает об этом заинтересованные стороны и они ко дню слушания дела приезжают в губсуд, а самого дела из нарсуда к этому времени не поступает, и люди вынуждены уезжать безрезультатно, потратив на эту поездку время и средства. Дела же, поступившие в кассинстанцию с опозданием, т. е. после заседания, приходится вновь назначать и делать новые вызовы сторон.

И последний недостаток, если можно его назвать недостатком, это то, что у нас 1,6% дел откладывается за неимением сведений о вручении сторонам повесток.

Взвесив положительные и отрицательные стороны, мы должны сказать, продолжать ли нам пользоваться существующим порядком вызова сторон в кассинстанции губсудов, или же мы должны перейти на новый порядок?

По моему мнению, останавливаться на достижениях при наличии отрицательных сторон не следует и мы должны найти такие пути, которые помогли бы нам изжить все недостатки.

Какие же отрицательные стороны нам поможет изжить изменение ст. 242 ГПК, если мы ее изменим по предложению тов. Кабанова? Одно то, что у нас не будут откладываться дела и только, но, чтобы изжить остальные недочеты, о которых я указал выше, такой порядок изменения статьи 242 не поможет.

Если мы ставим перед собой задачу упростить судебный аппарат, удешевить его, рационализировать, поднять до более высокого уровня пропускную способность, ускорить рассмотрение дел, изжить судебскую волокиту до конца и т. д., то мы должны в порядок дня поставить на обсуждение работников юстиции вопрос, следует ли вообще вызывать стороны в губернские кассинстанции, есть ли и какая именно в этом необходимость?

Поистине прав тов. Кабанов, когда он указывает в своей статье, что «такой порядок вызова сторон в кассационную инстанцию, какой существует для судов первой инстанции не нужен, ибо в кассинстанции дела рассматриваются не по существу и новые доказательства к рассмотрению не принимаются», и с этим, по моему мнению, нужно согласиться. Ведь кассатору дана полная возможность излагать в своей жалобе все, чем он недоволен, и такая же возможность дана противной стороне приводить свои доводы в объяснении на жалобу. Стороны, явившиеся на суд в кассинстанцию, повторяют то, что уже изложено ими в жалобе или в объяснении.

Но, когда тов. Кабанов говорит, что «мы далеки от той мысли, чтобы рассмотрение кассежалоб в губсудах установить по практике Верхсуда, ибо трудящееся население, тем более крестьянство, юридически не осведомлено, малограмотно и нельзя его лишать возможности присутствия в кассинстанции», то с этими доводами я, пожалуй, согласиться не могу и вот почему.

Верно, суд должен стоять ближе к массам, особенно, к беднейшему населению и обслуживать его, но так ли это в действительности происходит? Вовсе нет. А существующие ныне законоположения вызова сторон в губернские кассинстанции в подавляющем большинстве дают

возможность присутствовать на суде в этих кассинстанциях жителям губернских городов и зажиточному крестьянскому населению. Первые пользуются тем, что явка их на суд не сопряжена с расходами, и являются, а последние располагают достаточными материальными средствами на поездку в суд. Мало того, что они сами являются на суд, но еще нанимают себе защитников. Суд выслушивает их словоговорение, попусту тратит для этого время.

Чтобы это не было голословно, я приведу цифры.

Явка на суд в кассинстанцию граждан, живущих в г. Самаре, по приблизительным данным, по Самарскому губсуду равна 99%. Явка же сторон из уездов равна 35%. Из этого следует, что 65% граждан из уездов на суд не являются, а не являются те, кто не имеет материальных средств на поездку, как-то: батраки, малообеспеченные рабочие и служащие, искицы по алиментным делам и беднейшие крестьяне.

Поэтому, я думаю, не было бы большой погрешности, если бы мы отказались от существующего порядка вызова сторон в губернские кассинстанции, установив его по практике, применяемой в Верхсуде.

Секретарь гражд. отдела Самарского
губсуда *Косолапов.*

гор. Самара.

Фашистское законодательство.

Волею судеб господствующему итальянскому фашизму, ведущему свое летоисчисление с октября 1922 г., т.е. со времени победоносного вступления в Рим Муссолини во главе фашистских боевых отрядов, суждено было «стабилизироваться». После ряда лет погромов и неслыханного террора фашизм почувствовал потребность проявить себя какими-нибудь «новыми» социальными реформами. Начало этой новой эре «созидательного фашизма» было положено законом о профессиональных союзах от 3 апреля 1926 г. По этому закону профсоюзы лишались своего классового характера, и были декретированы параллельные профессиональные организации рабочих и предпринимателей, которые в конечном итоге должны слиться

Об одном волокитном деле.

Предистория.

12 февраля 1925 г. объездчик 1 объезда Бекетовского лесничества гр. П. в присутствии понятых составил акт о незаконной порубке 39 деревьев, из которых 13 увезено, а 26 оставлены на месте и засекуестрованы. Что касается 13 деревьев увезенных, то акт гласит: «... с места потащены, санный след, ведущий от срубленных деревьев в 37 квар., слегка припорошен снегом накануне выпавшей погодой, из последнего видно, что произведенная порубка совершена рабочими лесозаготовок Т. Л. О....» (так!). Почему «из последнего видно...» оставим на совести новоявленного Шерлока Холмса в лице упомянутого объездчика гр-на П. По началу он акт представил лесничему гр-ну Баранову, который с полным сознанием исполненного долга «препроводил» полученный акт в народный суд 1 уч. Кадниковского

у. Вологодской губ., прося о привлечении виновных к ответственности по 99 ст. Угол. Код., взыскав с них: попенной платы 35 р. 33 к., штрафа за 13 деревьев увезенных 68 р. 70 к., а за оставшиеся на месте 26 деревьев 24 р. 86 к. Отметим, что сколько-нибудь солидных оснований к привлечению в качестве виновных, которых по акту лесника названы двое рабочих Т.Л.О. Сев. ж. д., не имеется, перейдем к тому, что называется—

История, тянувшаяся в суде более 3 лет.

2 марта 1925 г., впервые переписка лесничего попала в нарсуд 1 уч. Кадниковского уезда по входящему № 596. 1 заседание состоялось 25 апреля 25 г., когда в качестве ответчиков привлечены были двое рабочих Ожигин и Холдинов. 23 июня дело

было переслано в нарсуд 3 уч.—по территориальной, видимо, подсудности. В нарсуде 3 уч. оно принято к производству через 1½ месяца—17 июля. А дальше... Слушайте. В 3 уч. нарсуда дело это было назначено к слушанию 22 сентября, т.е. более, чем через 2 месяца со времени поступления. Назначено к слушанию и... отложено за неявкой истца, которому предложено представить объяснение своей неявки (!). Запомним, что пока уже состоялось 2 суд. заседания. Следующее, 3 по счету, заседание состоялось в том же 3 участке нарсуда 5 декабря пока еще все 1925 г. На сей раз суд в порядке 166 ст. ГПК постановил в качестве ответчика привлечь контору 4 района Т. Л. О. 5-го Кизьино-Ситинского уч. Северных ж. д. на замену Ожигина и Холдинова. Поймали, что называется, постановили и... точка. Через полгода 24 мая уже 1926 г. в суд поступило заявление поверенного Северных ж. д., в котором, он, поверенный, ссылаясь на положение о жел. дорогах, на 27 ст. ГПК и на положение

воедино путем объединения их вышестоящих межсоюзных объединений.

Другим «новшеством» этого же декрета от 3 апреля 1926 г. явилось учреждение так называемой «магистратуры труда», которая в общем представляет собой подобие наших особых сессий по трудовым делам, приспособленных к существующей в Италии судебной организации, но, с одной, существенной особенностью: в то время, как наша трудовая камера является одним из органов диктатуры трудящихся, фашистская «магистратура труда» фактически имеет своей задачей защищать интересы предпринимателей против рабочих. В особенности это явствует из ст. 16 закона от 3 апреля, которая предписывает магистратуре труда «во всяком положении дела защищать высшие интересы производства, т. е. в капиталистическом обществе интересы предпринимателей.

Следующий королевский декрет «об образовании министерства корпораций» от 1 июля 1926 г. является завершением предыдущего закона о профессиональных союзах от 3 апреля¹⁾. Согласно закону от 1 июля, корпорация представляет собой объединение национальных союзов рабочих и предпринимателей, в одну организацию, которая является административным органом, подчиняется непосредственно министерству корпораций и содержится на средства государственного бюджета. Таким образом, декретом об учреждении министерства корпораций производится «огосударствление» профсоюзов, а основное значение самого декрета заключается в том, что им определяются те полицейские формы, в которых должно проявиться непосредственное управление государства профессиональными союзами, которые, таким образом, перестают быть организациями общественными.

Это фашистское «огосударствление» профессиональных союзов преследовало свои специфические цели, некоторое время не проявлявшиеся наружу, и в последнее

¹⁾ Подробный разбор законодательных актов от 3 апреля и 1 июля 1926 г. содержится в статьях: Б. Александров, «Фашистское законодательство о профессиональных союзах» (Журнал «Вопросы Труда» 1927 г. №№ 1 и 2) и И. Войтинского «Фашизация профсоюзов и принудительный арбитраж в Италии» (Журнал «Советское Право» 1927 г. № 4).

об арбитражных комиссиях, просил направить это (злополучное, скажем мы) дело по подсудности. Основательность мотивов обязывала суд удовлетворить ходатайство. Но... в противоречии со здравым смыслом на 7 июня 1926 г. назначено суд. заседание, на которое в качестве ответчика вызвана Северная жел. дорога, а в качестве свидетелей те самые рабочие, которые фигурировали в качестве ответчиков. В суд по разным причинам никто не явился. Заседание, 4 по счету, все же состоялось. Закончилось оно определением, которым постановлено:... дело слушанием... отложить, обязать истца и ответчика представить в суд копию условия сдачи Бекетовским лесничеством дачи для выборочной рубки лесоматериалов Т. Л. О. для установления... подсудности (!). Мало, по видимому, оказалось мотивов поверенного Северных ж. д. в 1926 г. по этому делу больше ничего не сделано. Наступил 1927 г. 21 января 27 г. истец по определению суда направил требуемые условия, при чем уже не

в 3 уч., а во 2 почему-то. Там оно поступило не то 12 марта, не то 6 апреля 27 г. трудно разобраться,—после чего спустя 8 месяцев на 3 декабря 27 г. в нарсуде 2 уч. назначено 5 по счету судзаседание по этому многострадальному, делу. Тут решено: дело направить в арбитражную комиссию г. Москвы по месту нахождения ответственного органа, к коему предъявлен иск. Наконец, 7 декабря 1927 г. большое дело было отправлено, но, увы, не прямо по назначению, а через Московский губ. суд для передачи в арбитражную комиссию. Эта отправка произведена в подражание тем «умникам», которые правую щеку чешут левой рукой через затылок, сгибая при этом голову...

Так закончилась эпопея этого дела в пределах Вологодской губернии.

Теперь посмотрите, что с ним произошло в Москве.

В Московском губ. суде дело получено 15 декабря 1927 г. и лишь через 12 дней (вылежалось), т. е. 27 декабря, его оттуда отправили в подража-

ние названным нами «умникам», вопреки рассудку и положению об арбитражных комиссиях, не в Московскую областную АК, а в Высшую АК при СТО СССР. Здесь оно полежало 1 месяц и после состоявшегося 31 января 28 г. распорядительного заседания (?), на котором его «слушали» по вопросу о подсудности, «постановили» передать дело по подсудности в МОАК. И только после всех вышеперечисленных мытарств дело это 8 февраля 28 г. попало по надлежащему адресу в Московскую областную арбитражную комиссию, которая в иске отказала.

Таковы факты. Они ждут пристального внимания, как со стороны руководящих Наркоматов, РКИ и Юстиции, так и со стороны всех суд. работников. Пора принять решительные меры, обеспечивающие невозможность повторения подобных случаев. Целеобразно к некоторым героям по настоящему делу применить 111 ст. Угол. Кодекса.

С. Вайсман.

время стало важнейшим фактором для всей политической жизни Италии. Возвещенное Муссолини «корпоративное государство» сейчас начинает принимать конкретные формы, и в фашистских сферах идет самая деятельная подготовка к коренной ломке итальянских основных законов. Предстоит полное упразднение парламентаризма и парламента, которые будут заменены представительством от корпораций, которые в свою очередь, по фашистскому воззрению, представляют все классы и сословия страны: рабочих и предпринимателей, земледельцев и землевладельцев, банковских служащих и банкиров, ремесленников, артистов и т. д., — одним словом, все то население, которое законом автоматически включается в какое-либо профессиональное объединение, федерацию, конфедерацию, и тем самым в соответствующую корпорацию¹⁾.

Спустя год после издания закона о профсоюзах была подписана задолго возвещенная «хартия труда», торжественное опубликование которой было приурочено к вновь введенному Муссолини празднику легендарного дня (21 апреля) основания Рима, призванному заменить собой для рабочих праздник 1-го мая. Появление «хартии труда» было восторженно встречено не только единственно существующей в Италии фашистской печатью, но и виднейшими лидерами из реформистского лагеря, в частности деятелями незадолго перед тем объявившей о своей самоликвидации всеобщей конфедерации труда, которые вместе с тем открыто перешли в лагерь фашизма.

Одновременно с подготовкой «хартии труда», этого наиболее крикливого и лицемерного фашистского законодательного акта, шла и другая, более серьезная подготовительная работа по проекту нового итальянского уголовного кодекса. В последнее время работы по проекту уголовного кодекса уже закончены, и он передан в особую комиссию для окончательного утверждения. Также и по поводу этого проекта в фашистской печати и на многочисленных собраниях выставляются на показ новейшие «социальные» принципы, которые фашистское законодательство провозглашает и в области криминалистики.

¹⁾ Сущность фашистского «корпоративного государства» выяснена в речи т. Бухарина на XV съезде ВКП(б.); также см. статью Эдмундо Пелузо «Корпоративное фашистское государство» в «Иав. ЦИК» от 15/ХІІ—1927 г.

В дальнейшем изложении мы более подробно остановимся на том, как «защищается» труд в «Хартии труда» и новом проекте фашистского уголовного кодекса.

«Хартия труда» отредактирована крайне сжато ¹⁾, при чем имелось в виду, что отдельные вопросы из области законодательства о труде должны быть урегулированы дальнейшими специальными узаконениями. «Хартия» содержит всего 30 статей, которые по своему содержанию могут быть подразделены на четыре раздела: о корпоративном государстве и его организации (ст.ст. 1—10), о коллективном договоре и гарантиях труда (ст.ст. 11—21), о биржах труда (ст.ст. 22—25) и об охране труда, обеспечении, воспитании и обучении (ст.ст. 26—30).

Первый раздел «о корпоративном государстве и его организации» носит чисто декларативный характер, а практическое значение содержащихся здесь правовых норм крайне ничтожно. Помимо повторения двух-трех ранее изданных норм о профессиональных организациях, остальные статьи этого раздела не приносят с собой ничего нового и конкретного. Здесь имеет место лишь попытка нового теоретического обоснования фашистского «корпоративного государства».

Ст. 1 гласит: «Итальянский народ является организмом, имеющим более высокие цели, жизнь и способы воздействия, чем отдельные индивидуумы или группы, из которых он складывается».

Основное положение этой статьи и выраженная в ней мысль, что интересы государства превалируют над интересами отдельных личностей и групп населения, является общим местом. Эта статья имеет острин, направленное против рабочего класса. Ведь речь идет о существующем капиталистическом государстве, которое ради сохранения класса капиталистов вправе требовать всяческих жертв от рабочего, служащего и крестьянина.

Ст. 2 говорит о другом, довольно бесспорном принципе, именно, что «труд во всех его формах, умственной, технической и физической, является социальной повинностью, и только в этом смысле он опекается государством». Разумеется, это в равной мере относится к труду рабочего, крестьянина и к труду фабриканта, банкира и помещика.

С другой стороны, ст. 7, которая логически связана со ст. 2, провозглашает далеко не бесспорный принцип. Первая часть этой статьи гласит: «Корпоративное государство рассматривает частную предпринимчивость на ниве производства, как наиболее действительное и целесообразное орудие в интересах нации». Истина стара и проста как нельзя более: право собственности священно. Нисколько не меняют дела и содержащиеся дальше в этой статье «повинности» частных собственников. Действительно, раз «частная организация производства является функцией в интересах нации», то последовательно требовать, чтобы «организаторы предприятий были ответственными перед государством за свое руководство предприятием», в связи с чем ст. 9 предусматривает известное «ограничение» права частной собственности и допускает возможное вмешательство со стороны государства в дела частных промышленников и спекулянтов. Она гласит: «Вмешательство государства в экономическое производство может иметь место лишь в случае отсутствия либо недостаточности частной инициативы, или

когда будут затронуты интересы государства. Вмешательство это может быть в форме контроля, поощрения, либо непосредственного управления». Но и эта «поощряющая» предпринимателей ст. 9 вызвала в некоторых капиталистических кругах беспокойство, на которое немедленно откликнулась официозная фашистская печать.

Декларирующая «свободу» профессионального движения ст. 3 гласит: «Профессиональная и синдикальная организация является свободной, но (!) лишь один, законно признанный и поставленный под контроль государства союз имеет право законно представлять всю категорию работодателей или рабочих, для которой он образовался; защищать их интересы перед государством и иными профессиональными объединениями; заключать коллективные договоры, обязательные для всех, принадлежащих к этой категории; облагать их взносами», и т. д.

Статья эта воспроизводит прежние постановления на этот предмет закона от 3 апреля 1926 г. «о правовой дисциплине коллективных трудовых отношений» и правил для применения этого закона от 1 июля 1926 года. При чем надо иметь в виду, что результатом этой «свободы профсоюзов» за полгода ее действия явились полное вытеснение и ликвидация как всеобщей конфедерации труда, так и христианских профсоюзов.

Принцип общности интересов предпринимателей и рабочих прокламируется в ст. 4, гласящей: «В коллективных договорах должна находить свое конкретное выражение солидарность между разными факторами производства путем примирения противоположных интересов работодателей и рабочих и подчинения их высшим интересам производства».

Ст. 12 подозрительно беззаботна насчет размера заработной платы и успокаивается на том, что «деятельность синдиката и примирительное воздействие корпоративных органов, а равно решения «магистратуры труда» гарантируют, что заработная плата будет соответствовать нормальным жизненным потребностям, возможностям производства и производительности труда. Установление заработной платы не регулируется никакой общей нормой и всецело предоставляется соглашению сторон в коллективном договоре». Статья эта является весьма плохим утешением для итальянского рабочего и ничуть не гарантирует его от того, что более сильные и более приспособленные «профсоюзы» предпринимателей не будут ему диктовать заработную плату по своему произволу, как это действительно имеет место на деле.

Не легче итальянскому рабочему и от последующей ст. 13, устанавливающей, что статистические данные, собираемые центральным статистическим институтом и др. учреждениями, будут доставлять достаточные критерии для примирения противоположных интересов разных категорий и разных классов.

Достоин особого внимания то обстоятельство, что из текста закона, официально опубликованного в «Gazetta Ufficiale» от 30 апреля 1927 г., выпущена вся первая часть ст. 13, имеющаяся в тексте от 21 апреля, переданном для напечатания всем газетам. Выпущенная часть гласила: «Последствия производственных и валютных кризисов должны равномерно распределяться между всеми факторами производства», т. е. предпринимателями и рабочими. Норма эта, очевидно, давала основание считать, что на капитал ложится ответственность за всякие экономические и финансовые кризисы, а потому была непримемлема для промышленников. По их настоянию и давлению она была поэтому в самый последний момент

¹⁾ «Хартия труда» приведена полностью в журнале «Вопросы труда» 1927 г. № 6, ст. II. Германа — «Фашистская хартия труда».

выпущена из текста после утверждения закона большим советом фашпартии.

Последующие статьи предусматривают некоторые правила оплаты рабочих, времени отдыха и гарантии труда. В общем, они либо санкционируют некоторые, ранее достигнутые, завоевания итальянских рабочих, либо же регулируют соответствующие вопросы в духе, общепринятом во всех почти буржуазных европейских законодательствах.

Статьи, трактующие о биржах труда, устанавливают обязательность найма через биржи, организуемые на паритетных началах и подчиненные контролю корпоративных органов (ст. 23). Согласно этой же статье, при приеме на работу работодатели должны отдавать предпочтение перед прочими безработными в первую очередь членам фашистской партии, а в следующую членам фашистских профсоюзов.

Последние статьи «хартии труда» говорят лишь в самых общих и поверхностных чертах о социальном страховании, соц. обеспечении, профессиональном образовании. Ничего же конкретного в них не содержится.

Подводя общую оценку фашистскому закону о труде, покоящемуся на ходком фашистском изречении, что «фашизм является гениальным соединением принципов частной собственности и норм законов о труде (социализма)», следует констатировать: как по своей форме, так и по содержанию «хартия труда» не дает никаких детализованных правовых норм, которые бы хоть сколь-нибудь гарантировали осуществление на деле начал, выраженных в ней в форме декларативной или общих мест. Между тем, основное значение всякого закона заключается именно в отдельных, детализованных его предписаниях, регулирующих конкретные, повседневные правоотношения и не оставляющих никакого сомнения относительно их объема и содержания. Фашистский же закон преднамеренно избегает какой-либо конкретности своих норм. Достаточно указать на то, что «хартия труда», не стесняясь самыми заманчивыми, даже «революционными» декларациями, не решилась заикнуться о восьмичасовом рабочем дне, так как подобная норма безусловно носила бы конкретный характер, и, следовательно, должна была повлечь за собой осуществление ее на деле.

30 ноября 27 г. состоялось первое торжественное заседание особой комиссии по рассмотрению проекта нового итальянского уголовного кодекса, на котором произнес обширную речь министр юстиции Рокко, один из виднейших вождей фашизма, с именем которого тесно связан самый проект.

В своей речи он указывает, что проект является продуктом творчества национально-фашистской мысли, которая стяжала себе неувядаемые лавры в области юриспруденции, освободившись окончательно из-под влияния идей чужеземного права. «Этот проект уголовного кодекса — говорит он — отражает настоящий и неподдельный характер той оригинальности итальянской мысли в области уголовного права в понимании государства и области публичного права, которую неуклонно проводит фашизм в своей законодательной и политической практике». Какими далекими кажутся ныне времена, когда итальянские законы носили французский или немецкий отпечаток («Popolo d'Italia» от 1/XII—27 г.).

В дальнейшем Рокко перечисляет следующие семь основоположений, на которых построен проект, приводимых нами полностью в его изложении:

1) «Спор между школами юридической и антропологическо-социологической разрешен на практике установлением главного принципа вменяемости, основанного на индивидуальной психической способности разуметь, и хотеть, а равно на сознательности и волонтарности человеческих поступков, сохраняя поэтому наказание, как юридическую санкцию, но допуская рядом с наказанием серию других средств борьбы с преступлением, которые проект называет «административные меры защиты». Наказание, таким образом, сохраняет свою основную функцию общего предупреждения, которое является основным средством борьбы с преступлением, но в то же время используются в области, присущей частному предупреждению, также и «меры защиты», действие которых не может подлежать сомнению.

2) «Введена более строгая система наказаний, в частности для наиболее тяжких преступлений, которые в ныне действующем уголовном кодексе наказываются, как показал опыт, весьма неравномерно. Италии принадлежит еще, к сожалению, печальное первенство в преступлениях против жизни, и вполне возможно, что на эту особенность в немалой степени влияет мягкость наказаний, предусматриваемых законом, главным же образом, налагаемых судьями. В связи с этим следует заметить, что проект вводит смертную казнь для некоторых более тяжких преступлений. Соображения, которые привели меня к этому, были мной изложены в моем докладе на заседании палаты депутатов от 9 ноября 1926 г. при обсуждении законопроекта о смертной казни, который стал законом от 25 ноября 1926 г. В этом докладе этот трудный вопрос был мной разобран вкратце, но, как полагаю, исчерпывающим образом, и те же мотивы руководили нами, когда мы вводили смертную казнь в проект кодекса».

«Утверждая этот закон, предусматривающий смертную казнь для более серьезных политических преступлений, парламент тем самым доказал что он принципиально согласен со мной в этом вопросе. Было бы поэтому противоречием сохранять смертную казнь для политических преступлений и отклонить ее для наиболее тяжких общих преступлений в тот момент, когда государство ведет беспощадную борьбу с преступностью.

3) «Необходимость защищать наиболее действительным образом государство, как его внутренний строй, так и его международное значение, обрушиваться на всякую форму преступлений против отечества, которые являются отчасти следствием новых проявлений современной жизни и к которым действующий кодекс относится слишком снисходительно».

4) Укрепление защиты семьи и общественной нравственности.

5) Защита цельности и будущности нации с подавлением мальтузианской пропаганды, разнообразных форм самоотравления, пагубного распространения сифилитической заразы.

6) Защита религиозного чувства, в частности, всяких проявлений католического культа.

7) Укрепление защиты народного хозяйства.

Суммируя изложенные выше семь пунктов, мы видим, что они сводятся в конечном итоге к восстановлению смертной казни как за политические, так и прочие преступления, непомерно увеличению списка наказуемых деяний и общему усилению репрессий. И это в то время, когда собственно фашистские зверства, убийства, погромы и прочие преступления не только остаются безнаказанными на деле по приговорам ультра-классовых фашистских судов, но и по велению специальных законов.

Еще 22 декабря 1922 г. был опубликован королевский декрет о полной амнистии по всем преступлениям, имеющим какое-либо отношение к политическим событиям и волнениям, в том случае, если преступление было совершено, как гласит официальный текст, «прямо или косвенно из национальных побуждений». Так как разгул фашизма и его зверства разыгрались в дальнейшем, после прихода его к власти, с еще большей силой, была объявлена новая амнистия от 31 июля 1925 г. для всех тех убийц и громил, виновность которых должен был признать даже фашистский суд. Наконец, всего лишь 2 ноября 1927 г. был опубликован в «Gazetta Ufficiale» новый королевский закон о частной амнистии, погашающей судимость по всем преступлениям, совершенным до 4/XI—26 г. «из национальных побуждений или в связи с таковыми». Подобная амнистия явилась «назревшей необходимостью», так как редкий фашистский деятель оставался незапятнанным кровью и неопороченным по суду. Ныне же с отпущением всех грехов «черные рубашки» (название фашистов) стали «белоснежными и ангельской чистоты».

Не нарушает несколько фашистской «целостности и оригинальности» проекта и то обстоятельство, что Рокко был вынужден блуждать и лавировать в поисках какого-либо опорного пункта между обеими криминалистическими школами, без своего собственного фашистского компаса, и в конце-концов застрять на мели юридического направления.

Нужно сказать, что эта попытка Рокко подвести под свой проект уголовного кодекса научную базу, в частности, построенные на принципе частного предупреждения «меры защиты» проекта, вызвали нарекания со стороны более «правверных» фашистских подхалимов. Так, «Tribuna» от 9 декабря 1927 г. в статье под названием «Итальянский характер кодекса» считает, что «фашизму нет надобности выводить принципы частного предупреждения и соответствующие «меры защиты» из системы позитивной школы уголовного права, так как фашистское учение имеет в своей собственной системе достаточные основания для того, чтобы воспринять и оправдать этот принцип и эти меры, точно так же, как фашизму нет надобности прибегать к принципам социализма, чтобы воспринять и оправдать свою профсоюзную систему».

К сожалению, автор статьи не попытался указать хотя бы отдаленнейшее отношение «фашистской доктрины» к принципиальным вопросам уголовного права. Но это совершенно в духе и правилах фашизма, который, не представляя собой какого-либо определенного, законченного мировоззрения, тем не менее претендует на такую роль и разыгрывает ее по всем правилам бутафорского искусства. И действительно, если неслыханный фашистский террор, разгон рабочих союзов и, наконец, ликвидацию парламентаризма можно нагло афишировать, как новые принципы профессионального движения, корпоративного государства, трудового законодательства и т. д., то отчего же не именовать расширения применения смертной казни столь красиво звучащим именем, как «фашистская доктрина уголовного права»?

Однако, та же «Tribuna» инстинктивно чувствует необходимость хоть несколько смягчить впечатление от этой новоявленной и к тому же дурно пахнущей криминалистической «доктрины». Она позволяет себе, правда, весьма робко, снабдить второй пункт Рокко следующим комментарием: «Увеличение наказания для более тяжелых преступлений и введение смертной казни не являются необходимыми принадлежностями фашистской политической системы, но фашизм дал государству необходимую силу

для того, чтобы покончить с традицией снисхождения и милосердия».

Чтобы судить о степени размаха фашистских «нововведений», следует иметь в виду, что фашистская пресса считает одной из «величайших заслуг Рокко то, что он сумел остановиться во время в своих «нововведениях», ибо дальнейшее новаторство повредило бы всему делу. В таком духе высказываются, например, в своих статьях о проекте фашистского уголовного кодекса в «Popolo d'Italia» один из членов особой комиссии по рассмотрению проекта Уго Алоизи, та же статья в «Tribuna» и многие другие.

Не задерживаясь здесь на анализе отдельных глав и статей фашистского кодекса, мы должны констатировать, что в первую голову эти драконовы законы направлены против рабочего класса Италии, которому и сейчас не сладко живется под «защитой» фашистского «правосудия». Нужно принять во внимание, что новое фашистское законодательство не рассматривается его творцами как исключительное и чрезвычайное законодательство переходного времени, а, наоборот, по заявлению того же Рокко, новый кодекс «предназначен дисциплинировать жизнь великой страны в течение, быть может, полвека».

Б. Александров.

Право кредитора на учетные проценты по векселям.

Едва ли вопрос о возмещении учетных процентов по векселям может быть отнесен к числу сложных проблем советского права, требующих к себе особого внимания. Пятилетний период применения к торговому обороту Положения о векселях и норм Гражданского Кодекса, казалось бы, говорит за то, что и в наших судебно-арбитражных органах, и в практике торгующих организаций могла бы уже выкристаллизоваться вполне определенная точка зрения по данному вопросу. Однако, опубликованные решения о возмещении учетных процентов, преимущественно арбитражных комиссий, указывают на отсутствие единого взгляда на обязанность выплаты указанных процентов.

Это отсутствие устойчивой точки зрения, естественный субъективизм, вкладываемый госпредприятиями в разрешение вопроса о принятии одной из сторон на себя учетных процентов по выданным векселям, говорят за целесообразность обсуждения этого вопроса на страницах «Е. С. Ю.».

Каково, прежде всего, значение вексельных операций для гособорота в советском хозяйстве? В капиталистических государствах вексель является заемным обязательством, при помощи которого частно-капиталистические предприятия пользуются кредитом. В нашей системе народного хозяйства вексель имеет не только узко обязательственное значение. Госпредприятия и гособорот в целом неразрывно связаны с общесоюзным бюджетом, поскольку каждое госпредприятие входит в единое плановое хозяйство. Поэтому вексельные операции гособорота приобретают не только значение кредитных операций отдельных госпредприятий между собою, они одновременно дают возможность планирующим хозяйством органам держать денежную эмиссию на определенном уровне, т. е. при наличии вексельного обращения потребность госорганизаций в денежных знаках суживается. По этой причине в нашем советском государственном хозяйстве вексель не только документ долгового порядка по «частным» взаимо-

отношениям госпредприятий, он вместе с тем один из факторов планирования общегосударственной денежной эмиссии.

Но если таково значение вексельного оборота для советского государственного хозяйства, если вексель выходит за пределы «частного» оборота и подчиняется общей политике народного хозяйства, то к вопросам вексельного права надо подходить с тем же вниманием, как и к разнообразным проблемам нашего хозяйственного права, являющегося предметом многих теоретических и практических исследований.

Из сказанного нетрудно заключить, насколько небезразличным для экономики нашего хозяйства является частный вопрос о возмещении учетного процента, — от правильного разрешения этого вопроса зависит размер вексельных операций госпредприятий, кредитование отдельных отраслей народного хозяйства и проч.

В чем же сущность споров по данному вопросу?

Эти споры сводятся обычно к различному толкованию договорного условия — «учет векселей по ставкам... за счет...», имеющего характер типового для большинства договоров (сделок) торгового оборота. В то время, как сторона, получающая в уплату вексель, признает за собою право на учетный процент, независимо от фактического учета, векселедатель зачастую это право отрицает, требуя представления доказательств учета.

Расхождение это, имеющее большое значение для хозяйственных органов, интересно и с точки зрения юридического обоснования толкований вышеприведенного договорного условия.

Какова же практика в этом вопросе наших арбитражных комиссий, на которых, согласно положения о них, возложено «рассмотрение и разрешение имущественных споров» между госорганизациями, в соответствии с действующими законами и «общими началами экономической политики Союза ССР»?

Еще в начале 1926 г. Арбитражная Комиссия при СНК Татарской республики, рассматривая исковое заявление Сельхозбанка к Госрыбсиндикату о выплате учетных процентов на основании договорного условия — «учет векселей относительно за счет покупателя», признала, что, поскольку в договоре нет оговорки об уплате учетных процентов лишь при фактическом учете, постольку налицо предоставление на определенный срок кредита.

Решение это, поступившее в порядке кассационного обжалования в ВАК ЭКОСО РСФСР, было утверждено последней (дело № 248 1 стола — «Суд. Арб. Бюлл.» № 58—59, стр. 9—26 г.), при чем ВАК ЭКОСО высказала следующие, заслуживающие внимания соображения: «По содержанию ст.ст. 110 и 112 УК, бесплатное пользование заемным капиталом не предполагается. Поэтому упоминаемые в заключаемых договорах обязанности покупателя, производящего платеж за товар не наличными деньгами, а векселями, уплатить также и учетный процент находят свое обоснование в ст. 110 ГК. Это подтверждается также и тем, что, хотя в действующем положении о векселях не содержится особой статьи, запрещающей включение в текст векселя условия о процентах, но самое указание в ст. 2 полож. о векс., что в векселе должно содержаться обязательство произвести платеж «определенной» суммы денег, написанной прописью и выраженной в рублях, свидетельствует, что проценты должны быть высчитаны (при срочном векселе) раньше и затем, или включены «в определенную сумму», или удержаны из выдаваемых в долг денег. Дальнейшим следствием такого требования закона вытекает, что если бы проценты за пользование капиталом, оставляемом в долг под вексель, не были вычтены из выдаваемой суммы или причитаны к послед-

нему платежу, то заключение особого условия о порядке их уплаты и о размере также будет находиться в согласии со ст. 110 ГК. Поэтому заключаемое сторонами условие об учетном проценте за выданные векселя может быть понимаемо только как соглашение об уплате процентов за пользование предоставленным капиталом, если эти проценты ранее не были присчитаны (или удержаны) в валюте выданных векселей».

Итак, ВАК в своем решении базируется на ст.ст. 110 и 112 ГК, а если припомнить еще ст.ст. 208 и 212 ГК, то не трудно фиксировать следующие положения: а) наш закон не требует во всех без исключения случаях обязательного платного пользования заемным капиталом, вводя взимание процентов за предоставление денег или в силу закона, или в порядке договорном (ст.ст. 110, 208 и 212 ГК), и б) закон исходит из возмездности кредита, обязательно фиксируемой в договоре (законе), что лишает исправного должника, даже досрочно погасившего долг, права на уменьшение процентов без согласия кредитора (ст. 112).

Следовательно, в тех случаях, когда в договоре имеется указание в вышеприведенной редакции о выплате учетного процента по выданным векселям, — налицо полное основание для признания обязанности векселедателя произвести эту оплату, независимо от факта направления векселя к учету. Если по силе ст. 112 ГК должник, погасивший досрочно долг, не вправе претендовать на учет, то тем более нет достаточных мотивов к освобождению векселедателя уплатить учетный процент, обязавшегося этой оплатой, к освобождению лишь только потому, что кредитор оставил вексель в своем портфеле, обернувшись своими средствами и не прибегнув к банковскому учету. ВАК вполне права в своем указании, что условие об учетном проценте может быть понимаемо только как соглашение об уплате процентов за пользование предоставленным капиталом.

Ст. 29 положения о Госбанке от 13/X—21 г. и 29/V—22 г. («С. У.» № 75—21 г. и № 51—22 г.), перечисляя в п. 5 операции Банка, указывает на: «учет векселей... с выдачей всей суммы за вычетом определенного учетного процента за время до назначения по ним срока платежа...». Банк производит это удержание (учет) отнюдь не в обеспечение своевременного выкупа векселя, им учитываемого, он имеет в своем распоряжении для этого обеспечения ряд гарантий и, прежде всего, две благонадежные надписи на векселе (инструкция по операциям учета векселей, утв. НКФ 1/II—26 г.). Банк производит это удержание как вперед получаемое вознаграждение за предоставление в пользу векселедателя капитала, за изъятие из своих оборотных средств известной их части. Из этой ссылки на положение о Госбанке можно видеть, что банковские операции по вексельному учету служат лучшей иллюстрацией платности в коммерческом обороте денежного кредита.

В позднейшем своем решении от 17/VI—27 г. ВАК ЭКОСО, анализируя договорное условие: «учет векселей по ставкам Госбанка относится за счет покупателя», говорит, что «в намерения продавца по договору не входило оказывать кредит покупателю в смысле отсрочки в уплате причитающихся продавцу денежных сумм» («Суд.-Арбитр. Бюлл.» № 53—54, стр. 7—27 г.).

Раз, таким образом, продавец, получая вексель от покупателя за товар, не делает последнему никакой отсрочки и расчет между сторонами считается законченным, то, совершенно очевидно, что продавец при наличии указанного условия об учетном проценте вправе распорядиться векселем — оставить его в своем портфеле или

учесть, в обоих случаях получив от покупателя обусловленный процент за оказываемый ему кредит.

Это значение учетного процента, как вознаграждения за оказанный кредит, очень удачно отражено в решении Северо-Западной АК по иску Хлебопродукта к Ленинград-текстилю. В этом решении АК говорит: «Поскольку в договоре учет векселей отнесен за счет покупателя—Хлебопродукта, то это значит, что продавец не думает оказывать кредита покупателю (в смысле отсрочки в уплате причитающихся денежных сумм), а расчет должен быть произведен таким образом, чтобы векселя фактически, в полной сумме (без всяких потерь), заменили бы продавцу уплату наличными. Но, так как в коммерческом обороте бесплатность услуг никогда не предполагается, особенно таких, как пользование чужим капиталом, а в сделках с обусловленным вознаграждением за учет векселей этим условием еще специально подчеркивается возмездность пользования предоставляемым кредитом, то совершенно ясно, что вопрос о том, учел ли продавец векселя в банке или съел возможным предоставить денежный кредит покупателю за счет собственных средств и стать, таким образом, в отношении покупателя в положение кредитующего учреждения, не имеет никакого значения в деле расчетов между продавцом и покупателем: последний принял на себя оплату полученного им кредита, а кто ему оказывает этот кредит—банк или сам продавец, для покупателя безразлично» («Судебная Практика РСФСР» № 2, стр. 23—1927 г.).

Однако, эта точка зрения АК Северо-Западной области не получила утверждения ВАК ЭКОСО, в своем решении по этому делу указавшей, что пользование чужими деньгами «наше законодательство вообще признает беспроцентным, если противное не установлено специальным соглашением кредитора и должника». Основываясь на ст.ст. 209 и 212 ГК на факте отсутствия указания в положении о векселях на уплату учетного процента, АК делает вывод, что «обязанность уплатить учетный процент по выданным векселям может возникнуть для векселедателя исключительно в порядке заключения особого дополнительного к вексельному обязательству соглашения» и притом соглашение ясно и точно формулированного. Исходя из этих соображений, ВАК признала целесообразным «присуждать учетный процент лишь в тех случаях, когда обусловленный в договоре учет действительно имел место, или когда стороны совершенно ясно установили в договоре, что учетный процент оплачивается покупателем, даже если выданные в уплату за товар векселя и не будут учтены. Во всех остальных случаях ВАК признает присуждение учетного процента недопустимым, если фактический учет произведен не был». (Суд. Практика № 2, стр. 24—27 г.). Немного позднее Пленум ВАК вынес по этому вопросу аналогичное постановление (Постановление от 24/1—27 г. «Бюлл. фин. и хоз. зак.» № 7, стр. 228—29—27 г.).

Мы видим полный и резкий отход ВАК от прежней позиции, на которой она стояла в приведенных решениях.

Выше уже было отмечено, что, хотя ГК не содержит указания на обязательную возмездность пользования чужим капиталом, но, что ГК в ст. 112 стоит на точке зрения платности кредита, поскольку этой статьей вычит процентов (учет) при досрочном погашении долга допускается лишь, когда это удержание предусмотрено договором или законом.

В своем новом решении ВАК ссылается на ст. 121 ГК. Но что говорит эта статья? Она указывает, что договорное бесплатное пользование капиталом пресекается с мо-

мента прекращения условия о бесплатности (просрочка исполнения). Следовательно, закон исходит в данном случае из принципа возмездности кредита, т. е. если бы законодатель признавал бы принципиально допустимым бесплатное пользование чужими деньгами, то просрочка могла бы влечь лишь компенсацию за убытки, что и установлено, помимо процентов, статьей 117 ГК, а, между тем, закон говорит именно о процентах. Таким образом, совершенно очевидно, что смысл ст. 121 не отвечает высказанному ВАК взгляду, что закон не предполагает процентного пользования чужими деньгами. Этот вывод ВАК ошибочен: закон, как выше отмечено, исходит из предположения возмездности кредита, но подлежащей установлению в договоре. Умолчание в последнем о процентах, признаваемое законом за согласие кредитора на предоставление займа безвозмездно, влечет, однако, после просрочки должника, начисление процентов. Если, таким образом, закон при договорном бесплатном пользовании кредитом после просрочки должника устанавливает начисление процентов и притом не в качестве компенсации за ущерб, а именно за пользование капиталом против воли кредитора, то почему же необходимо предоставление доказательств фактического учета векселя для выплаты обусловленных договором учетных процентов, на чем настаивает ВАК?

Находя, что соглашение об учетном проценте должно быть сформулировано точно и ясно, ВАК вряд ли права, когда она, видя неясность в условии: «учет векселей по ставкам за счет покупателя», высказывает взгляд, и притом в форме даже постановления своего Пленума¹⁾, резко противоположный правилам об учетных операциях Госбанка СССР, сконструированных законодателем на принципе возмездности кредита. Правда, ВАК не отрицает возможности уплаты учетного процента, но только при исчерпывающей формулировке этой обязанности векселедателя. Однако, это требование, быть может вполне желательное с точки зрения договорной техники, и вся мотивировка решения ВАК от 19/XI—26 г. и постановления от 24/1—27 г. указывают на отход ВАК от принципа платности кредита, коммерчески общепризнанной и имеющей обоснование в постановлениях ГК.

Под свою точку зрения ВАК подводит и экономический фундамент, ссылаясь на якобы имеющее место при сокращении банковского учета кредитование торговли за счет промышленности, что противоречит задаче индустриализации государственного хозяйства.

Останавливаясь на этом указании ВАК, следует сказать, что вряд ли правильно с точки зрения экономики Советского Союза отделять госторговлю от госпромышленности: и та и другая—лишь звенья одного планового хозяйства и накопление средств в торговых организациях влечет увеличение и рост производства, поскольку торговая политика государства неразрывно связана с производственными заданиями, устанавливаемыми хозяйственным планом Союза на определенный период времени. Кроме того, поскольку гос. торговые организации уплачивают за продукцию промпредприятий векселями, постольку переложение учетного процента на торговые организации, как на векселедателей, именно способствует накоплению средств у промышленности в тех случаях, когда предприятия последней получают учетный процент

¹⁾ В данном случае это постановление, воспринятое многими госпредприятиями, привлекает к себе внимание особенно теперь, после постановления ЦИК СССР о неконституционности организации арбитражной комиссии при СТО пленарных заседаний. (Вестник Верховсуда № 5/6—1927 г. стр. 73).

при отсутствии затрат на фактический учет векселей в банках.

Различные взглядов ВАК на выплату учетного процента достаточно большое. Это обстоятельство безусловно не могло не отразиться на увеличении споров в гос. торговом обороте по данному вопросу, т. к., насколько известно, многие госпредприятия после опубликования постановления Пленума ВАК встали на путь отрицания обязанности уплаты учетного процента при отсутствии в договоре оговорки о производстве уплаты независимо от фактического учета.

Имея в виду это увеличение конфликтов, быть может не всегда доходящих до арбитражного разбирательства, а также придавая обсуждаемому вопросу большое принципиальное и практическое значение, думается, было бы крайне желательным опубликование по этому вопросу руководящего разъяснения Пленума Верховного Суда в порядке ст. 180 Полож. о Судостроительстве РСФСР, тем более, что Верховный Суд РСФСР по ГКК не выносил своих авторитетных определений по разбираемому вопросу.

К. Жудро.

Страница практика.

Организационные вопросы судебной работы.

За последнее время особо резко поставлены вопросы о борьбе с волокитой в судебных органах, об упрощении процесса, об ускорении прохождения дел в судах и т. п.

Спора нет, волокита в судорганах имеется, и с ней необходимо бороться всеми мерами, как равно необходимо упростить процесс и ускорить прохождение дел в судах. Эти вопросы поставлены в порядок дня и над разрешением их должен работать каждый сотрудник от мала до велика.

Но одновременно следует поставить вопрос и о недостатках в работе других учреждений, которые постоянно или периодически соприкасаются с деятельностью судебных органов. Насколько это существенно, можно иллюстрировать практикой Московского губсуда.

В смысле быстроты прохождения дел в нарсудах г. Москвы и Московской губ. имеются определенные достижения: 80% дел заканчивается в сроки от 10 до 14 дней, а 45% дел даже в 7-дневный срок. Это было констатировано комиссией НК РКК СССР при обследовании низовой сети суда (статья В. Зеньковича «Е. С. Ю.» № 35 за 1927 г.). Примерно, такие же достижения имеются в работе аппарата губсуда. Достаточно указать, что кассационная инстанция поставила перед собой задачу в виде 7-дневного срока рассмотрения жалоб по делам нарсудов г. Москвы и 2—3 недель по уездным делам. Наряду с этим имеются отдельные случаи, когда дела тянутся в суде два-три месяца, а то и полгода. Естественно, такие дела бьют в глаза, и общественное мнение за это довольно сильно стесняется. В чем же дело? Оказывается, судорганы развили такой темп работы, что другие учреждения предъявляемые к ним требования со стороны суда не могут выполнить в соответствующие сроки. Волокита в этих учреждениях сводит на-нет благие начинания судорганов.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров.

При ревизии судебных учреждений Звенигородского уезда (октябрь—ноябрь 1927 г.) было установлено, что по делам о нарушении правил учета военнообязанных (64 ст. УК) в Иваново-Шныревском ВИК'е дознания лежат без движения в среднем 66 дней (с момента составления протокола до отправления его в суд); эти же дела на единоличном рассмотрении судьи находятся в среднем 4 дня, а милиция исполняет их через 36 дней. Или, например, другое волоотделение милиции дознания по делам о шинкарстве (101 ст. УК) заканчивает в 4 дня, а постановление о направлении дела в нарсуд составляется через 10 дней. Естественно, что в случае направления дела на дознание или истребование судом отдельных справок от этих органов, сроки прохо-

ждения дел значительно увеличиваются и начинаются разговоры о волоките. Точно так же обстоит дело с всевозможными экспертизами: техническими, экономическими, бухгалтерскими, врачебными и т. д. Худо работает почтовое ведомство по вручению судебных повесток в деревне. Суд мог бы рассмотреть дело в отсутствие сторон или одной стороны, но очень часто нет сведений о вручении повесток и дело откладывается.

Отложение дел по разным причинам, в том числе по вине почтового ведомства,—это бич в работе судебного аппарата.

В том же уезде ревизионная комиссия установила, что 2.502 дела, законченных по существу, вносились в судебные заседания 3.515 раз. Дополнительная нагрузка, которая зависит исключительно от плохой работы различных органов (в том числе и самого суда), выражается в 37%.

Или, например, вопрос о прекращении дел. Общеизвестно, что в нарсудах больше всего прекращается уголовных дел и меньше гражданских. К прекращению первых у нас имеется больше оснований: смерть обвиняемого, отсутствие состава преступления или достаточных доказательств, нецелесообразность дальнейшего ведения дела, примирение сторон и, наконец, неявка потерпевших. А при тщательном исследовании этого вопроса в том же Звенигородском уезде оказалось, что больше прекращается гражданских дел. По 3 участку нарсуда всего прекращается 36% дел, из них: уголовных—23,3%, а гражданских—43,7%. Вывод таков: почти половина гражданских дел прекращается. Объясняется это плохой работой кооперативных органов. При взыскании задолженности по кредиту кооперативные органы предварительных переговоров с должниками не ведут, а сразу обращаются в суд. При этом долгое время вообще нет разговоров о задолженности, а потом, как появятся финансовые затруднения, бегут в суд с долговыми обязательствами. В суде, как правило, дело кончается мировым соглашением. В результате, одна камера нарсуда на 25% работает впустую и материальные затраты государства на содержание камеры составляют, примерно, 50% отыскиваемых кооперацией сумм. Способ чрезвычайно дорогой. Если же кооперативные органы изживут недостатки своего аппарата, то суд разгрузится от ненужной работы и свободное время обратит на серьезные дела.

Каков из этого вывод? В борьбе с волокитой в судебном аппарате надо искать корни, которые очень часто идут из других учреждений, и если уже бить, то сначала по первоисточнику. В этом отношении большую помощь окажут органы РКК. Крепить связь с органами РКК—вот основной лозунг сегодняшнего дня. Всякая ревизия низовых судорганов долж-

на охватывать работу судебного аппарата со всех сторон и отнюдь не изолированно от работы других учреждений, соприкасающихся с судом. Для этого материал имеется достаточный в делах суда.

Конечно, из всего сказанного не следует приходиться к заключению, что волокита в суде происходит, главным образом, за счет других учреждений. У нас и «своей» волокиты много. Этой статьей мы преследуем лишь одно: поставить вопрос о борьбе с волокитой по всей линии, не ограничиваясь рамками собственного судебного аппарата.

Зав. гражд. касс. отд. Мосгубсуда Уваров.

Кому подсудно.

Несмотря на имеющиеся разъяснения Верховного Суда и Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам, все же до сего времени остается неясной подсудность дел по искам о взыскании неустойки и арендной платы при расторжении арендных договоров на участки государственных земельных имуществ. Это видно из следующих разъяснений:

Пленум Верховного Суда 7 июня 1926 г. («Е. С. Ю.» № 28—26 г.) разъяснил, что иски о взыскании арендной платы по нормам Г. К. и неустойки по арендным договорам подсудны не земельным комиссиям, а общим судебным учреждениям. Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам своим разъяснением на имя Брянской губземкомиссии от 26 ноября 1926 г. за № 19.32 (см. § 213 сборника разъяснений, циркуляров по вопросам зем. права и судебно-земельного процесса, изд. Нов. Деревня 1927 г.) указала, что взыскание неустойки по договорам на участки госземимущества должно производиться в судебно-земельном порядке на основании ст. 214 Зем. Код. при разрешении споров в связи с использованием государственных земельных имуществ.

Имеющиеся вторичное разъяснение Пленума Верховного Суда от 21/II—27 г. («Е. С. Ю.» № 13—27 г.) о том, что взыскание арендной платы и неустойки по договорам аренды на госземимущество подсудно общим судам, а не земкомиссиям, рассеивает те сомнения, которые возникли в результате упомянутого разъяснения Особой Коллегии. Теперь стало ясно, что взыскание неустойки при расторжении арендного договора на участки госземимущества не должно быть предметом разбора земельных комиссий, а только общих судебных учреждений.

В связи с этим возникли вопросы:

1. Кому подсудны дела о расторжении арендных договоров на участки госземимущества.

2. Можно ли при рассмотрении таких дел принимать иски о взыскании арендной платы.

На первый взгляд не представится никакого затруднения для определения подсудности по этим делам. Достаточно прочесть п. «б» ст. 214 Зем. Кодекса, чтобы убедиться в том, что дела по спорам о пользовании госземимуществами подсудны земкомиссиям. Это же самое предусмотрено декретом Совнаркома от 23 августа 23 г. («Е. С. Ю.» 1923 г. № 74, ст. 716). Казалось бы, что здесь все ясно и понятно. Да оно так и было, если бы предмет спора было признание права на пользование участками госземимущества или об устранении захвата и т. п. Но в этих делах меньше всего будет подобных исков, а будут претензии по исполнению арендных договоров или же о расторжении таковых и на ряду с этим иски о взыскании арендной платы и неустойки.

Если обратимся к ст. 5 инструкции НКЗ и НКЮ от 10/I 1924 г., то увидим, что споры по исполнению арендных договоров на участки госземимущества, а также о расторжении их, подведомственны земельным комиссиям, за исключением расторжения кабальных договоров, подсудных народному суду.

Отсюда выходит, что на основании ст. 5 упомянутой инструкции и разъяснения ОКВК от 26/XI—26 г. за № 19.32 земельные комиссии имеют право принимать к своему производству не только дела по исполнению арендных договоров на участки госземимущества или о расторжении таковых, но и по взысканию неустойки, если последние будут заявлены при производстве дела в земкомиссиях.

В разъяснениях Верховного Суда от 7 июня 1926 г. и от 21 февраля 1927 г. содержится указание лишь о неподсудности земкомиссиям исков о взыскании неустойки и арендной платы по договорам госземимущества, а в отношении подсудности дел по расторжению договоров ничего не сказано. Как будто получается, что для расторжения договора необходимо обратиться в земкомиссию, а потому уже после этого заявить отдельный иск в общих судебных учреждениях о взыскании неустойки и арендной платы.

Опять что-то не вяжется. Не может быть, чтобы по одному делу пришлось обращаться в земкомиссию и в народный суд.

Мне кажется, что если такие иски, как взыскание неустойки и арендной платы по договорам госземимущества, не входят в компетенцию земельных комиссий, то и расторжение арендных договоров, на основании которых производится взыскание неустойки и арендной платы, не может быть предметом разбора в земельных комиссиях в виду того, что все это вместе взятое должно представлять одно дело.

Какие же тогда споры по делам госземимущества будут подсудны земельным комиссиям. На этот вопрос дает ответ та же ст. 214 Зем. Код., в которой содержится указание о подсудности земкомиссиям споров о пользовании госземимуществами. Это же указано и в декрете Совнаркома от 23 августа 1923 г. («С. У.» 1923 г. № 74, ст. 716), и нигде, кажется, не имеется указаний о подсудности земкомиссиям споров по исполнению или расторжению упомянутых договоров за исключением ст. 5 инструкции НКЗ и НКЮ от 10/I 1924 г.

Последнее в связи с разъяснением Пленума Верховного Суда от 21 февраля 1927 г. вряд ли может сохранить силу, так как нельзя же разделить одно дело на два отдельных производства, т.-е. иски о расторжении договора в земкомиссии и взыскании неустойки и арендной платы в нарсуде.

Что же касается взыскания арендной платы по договорам на участки госземимущества, то такая должна взыскиваться порядком, установленным постановлением ЦИК и СНК Союза ССР 17 сентября 1926 г. («С. У.» 1926 г. № 61, ст. 469), и дело разрешается в административном порядке, а не в судебном, и производится отдельно от иска о расторжении договора, если таковой предъявляется (разъяснение НКЗ от 4/III—24 г. № 163207).

Значит помимо этого, согласно разъяснения Верховного Суда от 21 февраля 27 г., арендная плата по таким делам может взыскиваться через общие судебные учреждения, но только не через земельные комиссии.

Между тем, в практике некоторых земельных комиссий установилось, что иски о неустойке, а равно и взыскание арендной платы по делам госземимущества, разрешаются одновременно с расторжением арендных договоров, что является неправильным.

Вот сомнения, которые возникли в применении указанных разъяснений Верховного Суда и ОКВК по вопросу о подсудности исков по делам госземимущества. Желательно, чтобы эти разъяснения были согласованы.

Фисунев.

г. Брянск.

Преимущественное удовлетворение недоимок по налогам, сборам и пошлинам.

С изданием пост. СНК РСФСР от 10/—27 г. «о порядке производства описи, ареста и продажи с публичного торга имущества недоимщиков по государственному и местным налогам, сборам и пошлинам» («С. У.» 1927 г. № 8, ст. 63) такой, казалось бы, простой вопрос об очереди удовлетворения недоимок по налогам, разрешаемый на основании ст. 101 ГК и ст. 266 ГПК, стал на практике в иных случаях спорным и вызывающим ряд возражений со стороны представителей финорганов. Источником для этих возражений является текст ст. 42 упомянутого постановления и, главным образом, примечания 1 к этой статье.

Ст. 42 в основной своей части предусматривает тот случай, когда, кроме взыскания недоимки, к неплательщику не предъявлены какие-либо иные претензии. В этом случае взысканные суммы распределяются следующим образом: а) в первую очередь покрываются суммы, составляющие возмещение расходов по принудительному взы-

сканию, б) во вторую очередь—штрафные суммы налогового характера и недоимки по налогам, сборам и пошлинам с пеней, а также в подлежащих случаях с процентами на суммы недоимок, при чем пени и проценты начисляются на день продажи, и в) могущий образоваться после этого остаток возвращается недоимщику. Этот порядок не вызывает никаких сомнений, поскольку речь идет об удовлетворении одних лишь недоимок, без присоединения к ним каких-либо иных претензий.

Примечание 1 к указанной статье усложняет вопрос. Оно касается тех случаев, когда ко взысканию недоимок присоединяются претензии и по другим, кроме налоговой, видам задолженности недоимщика, при чем у последнего не имеется никакого другого, кроме описанного и проданного имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание. В этом случае при наличии одного условия, о чем будет сказано ниже, взысканные суммы распределяются так: а) в первую очередь—расходы финорганов по взысканию, б) во вторую очередь—задолженность по зарплате, соцстраху и алиментам, в) в третью—претензии кредитных учреждений по залогу проданному имуществу, с сохранением перед ними преимуществ взыскания по неуплаченному акцизу, г) в четвертую—недоимочность с пеней страховых платежей по обязательному страхованию, д) в пятую—штрафы налогового характера и недоимки по налогам, сборам и пошлинам с пеней и процентами и, наконец, е) могущий образоваться после этого остаток возвращается недоимщику.

Как мы видим, эта очередность удовлетворения совпадает в основном с очередностью, установленной ст. 101 ГК. Вызывает лишь недоумение, почему в ней предусмотрены лишь привилегированные по сравнению с налогами взыскания и почему после удовлетворения налогов остаток должен быть возвращен недоимщику, несмотря на наличие, может быть, и иных взысканий, хотя бы и госорганов, но не пользующихся преимуществом перед налогами. Можно было бы объяснить это редакционным недосмотром, если бы не примечание к следующей, 43 статье, предписывающее финорганам в случае погашения недоимщиком налоговой задолженности до торгов при наличии претензий, указанных выше в п.п. «б», «в» и «г», запрещения с описанного имущества не снимать и посылать соответствующее сообщение лицам, предъявившим указанные претензии. Из этого можно заключить, что разбираемое нами постановление совершенно игнорирует прочие претензии, не поименованные в указанных выше пунктах, предполагая, очевидно, что они сосредоточиваются у судисполнителей, обязанных о них своевременно позаботиться. Однако, такое игнорирование в интересах успешности прочих взысканий должно быть совершенно исключено.

Выше мы уже говорили, что указанное в прим. 1 к ст. 42 распределение сумм (а, следовательно, и возможность присоединения) допускается лишь при наличии определенного условия. Это условие заключается в том, что поименованные привилегированные претензии должны быть присоединены до утверждения описи в финотделе или в рай(вол)исполкоме (по сельхозналогу). Опись же, согласно ст.ст. 17 и 18 пост., утверждается финотделом не позднее трех дней по получении ее от налогового инспектора, волисполкома или сельсовета, представляющими таковую не позднее трех дней после ее составления. По сельхозналогу же описи могут быть непосредственно утверждены волисполкомом без отсылки в уфинотдел.

Отсюда вытекает, что согласно разбираемого постановления после утверждения описи уже недопустимы никакие присоединения прочих претензий, хотя бы и привилегированных по сравнению с налогами. Вследствие этого в последнем случае даже и при наличии упомянутых претензий право финорганов на удовлетворение своих претензий в порядке ст. 42, а не примечании 1 к ней, стоит, по мнению представителей финорганов, вне спора. Отсюда-то и происходит пререкания между судисполнителями и финорганами о праве последних на преимущественное удовлетворение своих претензий. Аргументация последних покоится на точном смысле текста ст. 42 (слов «до утверждения описи»), а также на невозможности при наличии привилегированных взысканий финорганам что-либо получить из ликвидируемого имущества.

Второе соображение, как ученое, очевидно, при редактировании ст. 101 ГК, нас в данном случае не может интересовать. Текст же ст. 42 пост. от 10/1—27 г. действительно, как это мы уже видели, предоставляет взы-

скание недоимок даже и при наличии других привилегированных взысканий, исключительно финорганам. При этом указанные взыскания принимаются во внимание лишь тогда, когда они присоединены до утверждения описи, в противном случае они в расчет не идут. Отсюда создаются два параллельных процесса взыскания—один у налоговых органов, другой—у судисполнителей. Отсюда несогласованность в их действиях и жалобы финорганов на действия судисполнителей, не принимающих во внимание исключительные права финорганов по взысканиям недоимок, предоставленные им ст. 42 пост. от 10/1—27 г.

Дело в том, что судисполнители, при производстве ими взысканий, руководствовались и руководствуются в этих случаях цирк. НКЮ и НКФ № 84/632 от 7/V—26 г. («Е. С. Ю.» 1926 г. № 20). Согласно п. 8 этого циркуляра, при столкновении двух и более взысканий с одного должника (из каких бы оснований они ни происходили), из которых одни производятся финорганами, а другие судисполнителями, все эти взыскания сосредоточиваются у судисполнителя или заменяющего его лица, который распределяет взысканные суммы с точным соблюдением ст. 266 ГК. Этот порядок сосредоточения взысканий практика в громадном большинстве случаев не изменила и после опубликования декрета от 10/1—27 г., в виду малочисленности у финорганов агентов по взысканиям. Однако, финорганы претендуют, на основании ст. 42 этого постановления, чтобы и судисполнители применяли таковую при наличии недоимок.

Правильно ли такое требование? Нет, так как судисполнители при производстве ими взысканий должны руководствоваться исключительно нормами ГК, как это и подчеркивает ст. 255 ГК и упомянутый выше цирк. НКЮ и НКФ № 84/632. В числе этих норм имеется и ст. 266, содержащая в себе ссылку на ст. 101 ГК. Эти статьи определяют место налогам и сборам по сравнению с прочими взысканиями. Эта очередность удовлетворения недоимок должна ими соблюдаться во всех случаях, когда ГК и изданные в развитие и разъяснение по инструкции и циркуляры допускают присоединение одних претензий к другим. Согласно же ст. 31 цирк. НКЮ и НКФ от 3/VI—25 г. № 134 «о порядке исполнения решений» («Е. С. Ю.» 1925 г. № 27) «суммы, вырученные при взыскании, идут на удовлетворение только тех взыскателей, которые предъявили свои исполнительные листы судебному исполнителю до поступления к нему денег», т.е. присоединились к основному взысканию до того момента. Это правило должно относиться в полной мере и к претензиям финорганов. Следовательно, и самый принцип распределения, выраженный в ст. 266 ГК, и момент, с наступлением которого прекращается возможность присоединения, в практике судисполнителей совершенно иные, нежели те, которые устанавливаются в пост. СНК от 10/V—27 г.

Нетрудно видеть, что эта несогласованность между ГК и пост. от 10/1—27 г. и допускаемый последним параллелизм взысканий с различными отправными точками на важнейшие моменты последних приводили на практике к самым нежелательным результатам. При известной настойчивости финорганов могли пострадать самые законные интересы наиболее привилегированных взыскателей.

Поэтому в интересах устранения параллелизма и неизбежных столкновений между органами, производящими на деле одну и ту же работу взыскания, нам казалось бы необходимым уточнить ст. 42 пост. от 10/1—27 г. и согласовать ее с основными положениями ГК, в частности со ст. 266 последнего. Кое что в этом направлении уже сделано. Мы имеем в виду утв. 29/IX—27 г. правила по наблюдению за поступлением сумм, взимаемых на основании решений, определений и приговоров судов («С. У.» 27 г. № 99, ст. 665). Эти правила сосредоточивают во всех случаях взыскание судебных пошлин, канцелярского сбора и судебных расходов у судисполнителей, которые и будут руководствоваться при этом нормами ГК. Однако, то же постановление в ст. 2 оговаривает, что налоги и гербовый сбор, если они взыскиваются на основании судебных постановлений, подлежат взысканию через финорганы, которые, очевидно, опять таки и в этом случае, могут воспользоваться ст. 42 пост. от 10/1—27 г.

Это обстоятельство лишний раз подчеркивает настоятельную необходимость скорейшего урегулирования и разъяснения возбужденного вопроса, в частности и упомянутой ст. 42 пост. от 10/1—27 г.

Советское законодательство.

(Обзор за время с 4 по 11 марта 1928 г.).

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

Сельское хозяйство.

1) Пост. СНК СССР от 2 марта о плане государственных мероприятий по сельскому хозяйству на 1927—28 годы («Изв. ЦИК» от 4 и 6 марта, № 55 и 56). Анализ состояния сельского хозяйства к 1927—28 г. устанавливает, что оно в целом приблизилось к довоенному уровню. Восстановление его завершилось. Количественный рост хозяйства сопровождался перестройкой его на новых основаниях. Достижениями являются рост кооперированности и коллективизации крестьянского хозяйства, улучшение благосостояния бедняцких и середняцких масс крестьянства, а также улучшение питания сельского населения. Однако, количество сельско-хозяйственной продукции не соответствует запросам народного хозяйства, в частности, запросам промышленности и нуждам экспорта, а также потребностям городского населения в продовольствии. Необходимо проведение ряда мероприятий: содействие скорейшему кооперированию бедняцких и маломощных крестьянских хозяйств, усиление и расширение производственной деятельности совхозов и колхозов, проведение землеустройства с соответствующими расселением и мелиорацией, развитие сырьевых отраслей и продуктивного животноводства, расширение производства недостаточных зерновых продуктов. Для достижения указанных мероприятий предложено союзным республикам оказать содействие росту форм землепользования, благоприятствующих развитию кооперирования и механизации сельского хозяйства. Должна быть ограничена практика выделения на отруба и хутора с совершенным прекращением ее в тех случаях, в которых она ведет к росту кулацких элементов. Землеустройство колхозов и совхозов, возникших до начала 1928 г., должно быть закончено в текущем же году. вновь образуемые колхозы землеустраиваются уже в следующем году. В районах товарных зерновых культур усиливается землеустройство. Госземмущества используются для организации крупных государственных сельско-хозяйственных предприятий и колхозов. В ближайшую очередь землеустройства включаются районы сахарных заводов и заводов по первичной обработке льна. Капитальное строительство предприятий сельско-хозяйственной кооперации должно проводиться под плановым руководством союзов сельско-хозяйственной кооперации. Ряд поручений по усилению и поощрению сельско-хозяйственной кооперации дан республиканским объединениям этой кооперативной системы. Последним выдается крупная ссуда на производственное кредитование сельского хозяйства. В виду усиленного дробления крестьянских хозяйств, предложена разработка проекта мероприятий, направленных против этого дробления. Предполагается соответственно усилить соблюдение ст.ст. земельных кодексов, направленных против дробления. Нахождение подавляющего большинства сельско-хозяйственных кооперативов вне организационного и политического влияния системы сельско-хозяйственной кооперации признано совершенно недопустимым. Республиканским объединениям предложено в текущем же году вовлечь в систему основные массы простейших производственных объединений. Республиканские органы получили задание принять меры к ликвидации лжекооперативов. Созданы финансовые предпосылки для усиления кооперирования бедняцких слоев населения. В виду недостаточности результатов предоставления сельско-хозяйственного кредита мелким единоличным хозяйствам, предложено усилить кредитование простейших производственных объединений крестьянских хозяйств и колхозов. На сельско-хозяйственную кооперацию возложена обязанность усилить приток паевых взносов с предоставлением маломощным группам рассрочки и других льгот. В организационном отношении намечено образование в составе союзов сельско-хозяйственной кооперации центров, объединяющих колхозы. В систему объединений включаются машинные, машинно-тракторные и мелиоративные товарищества. В союзных республиках создаются курсы организаторов коллективных хозяйств и их объединений. Принимается ряд просветительных мер. Намечена сплошная перепись всех совхозов с учетом наличных капиталов, системы хозяйства и т. п. Нетрестированные совхозы переводятся в трестированные. Некоторые из совхозов оставляются лишь в ведении тех предприятий и учреждений, совхозы которых по характеру их обслуживания не могут быть трестированы. Для

усиления строительства в совхозах признано необходимым кредитование этого строительства Цескомбанком.

Все мероприятия, намеченные постановлением, финансируются за счет государственного бюджета Союза ССР и союзных республик, местных бюджетов, средств, предоставляемых Госбанком Центральному Сельско-Хозяйственному банку, средств государственных предприятий, обращаемых на финансирование сельского хозяйства, оборотных средств системы сельско-хозяйственного кредита, средств сельско-хозяйственной кредитной кооперации и средств, возвращаемых населением в погашение ссуд, полученных за счет ассигнований на восстановление хозяйства и на борьбу с засухой. Всего отпускается 717 миллионов рублей.

Финансы и кредит.

2) Пост. ЦИК и СНК СССР от 29 февраля о перенесении первого тиража выигрышей по государственному внутреннему выигрышному займу укрепления крестьянского хозяйства с октября 1928 г. на июнь 1928 г. («Изв. ЦИК» от 6 марта, № 58) имеет целью способствовать скорейшей реализации этого займа в виду высказанных на многих сходах пожеланий крестьянства о приближении срока, первоначально намеченного постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1927 г. (С. З. № 3, ст. 24).

3) Пост. ЦИК и СНК СССР от 1 февраля об изменении ст. 4 пост. ЦИК и СНК СССР о мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью (С. З. № 10, ст. 85) издано в связи с назначением на нужды борьбы с детской беспризорностью поступлений от государственного налога на сверхприбыль (С. З. 1927 г., № 25, ст. 273). Суммы всех поступлений распределяются между союзными республиками пропорционально общим размерам расходных частей государственных бюджетов этих республик на соответствующий год.

Советское строительство.

4) В связи с изданием основных положений об организации в Союзе ССР городских советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (С. З. № 10, ст. 86) Президиум ЦИК СССР опубликовал особое постановление от 8 февраля об усилении деятельности городских советов (С. З. № 10, ст. 87). Решительный поворот в работе всей системы местных советов мотивируется сложностью стоящих перед властью задач по преобразованию страны из аграрной в промышленную и связанных с этим вопросов, как-то: рационализация производства, проведение режима экономии, улучшение госаппарата, снижение товарных цен. Лишь при непрерывном росте активного участия трудящихся масс и их авангарда—рабочего класса—в хозяйственном и культурном строительстве возможно успешное развитие последнего. Трудящиеся массы вообще объединяются в советы, рабочий класс—в городские советы. Особое внимание должно быть обращено на улучшение и усиление деятельности местных советов. ЦИК и союзных республик устанавливают непосредственное планомерное руководство деятельностью горсоветов. Их материальная база должна быть укреплена путем выделения самостоятельных городских бюджетов и передачи городских предприятий. Методы и формы работы горсоветов должны быть улучшены. Работа пленумов и секций строится с расчетом на максимальное вовлечение советского актива и рабочих масс в эту работу. Отдельные наиболее важные вопросы, разрешаемые советом, проводятся через предварительное обсуждение общих собраний избирателей. К секциям прикрепляются члены президиумов горсоветов; к участию в их работе привлекаются лица со специальными знаниями. Секции и комиссии советов обсуждают предварительно вопросы, подлежащие разрешению пленумов. В обследовательской работе проводится планомерность и качественное упорядочение. Связь депутата с избирателем достигается регулярной поварьальной отчетностью его предпоследним; каждый депутат должен нести определенную деловую нагрузку либо в самом совете, либо в его секциях и комиссиях. Во всех отчетах горсоветов и депутатов делается регулярное сообщение о том, что выполнено из наказов избирателей. Усилена должна быть практика отзывов избирателями депутатов, не выполняющих наказа и вообще уклоняющихся от работы в совете. Для повышения работы советов в небольших городах с непростарским населением, руководство ими усиливается. Особой задачей горсоветов в рабочих поселках является улучшение взаимоотношений с государственными промышленными организациями, обслуживающими социально-культурные и бытовые нужды рабочих.

Международные сношения.

5) Пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта о ратификации акта присоединения Правительств Союза ССР к протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств («Изв. ЦИК» от 8 марта, № 58). Акт этот подписан 17 июня 1925 г. Наркоминдел уполномочен заявить, что обязательности Союза ССР по протоколу устанавливаются лишь по отношению к государствам, которые подписали и ратифицировали его либо к нему окончательно присоединились, и что протокол не является обязательным в отношении всякого неприятельного государства, вооруженные силы которого не будут считаться с воспрещением, а равно не будут считаться с ним формальные или фактические союзники этого государства.

Просвещение.

6) В целях систематизации справочных сведений о научной литературе, издаваемой в пределах СССР, а также о научной литературе, изданной с 1914 г. на территории СССР, издано постановление СНК СССР от 9 января об издании индексов научной литературы (С. З. № 10, ст. 89). Издается особый индекс научной литературы, вышедшей в период 1914—1928 гг. в бывшей Российской империи и советских социалистических республиках, образовавшихся на ее территории. С 1928 года издаются ежегодные индексы по всем отраслям науки. Для руководства составлением индексов образована постоянная комиссия, а для редактирования индексов по отдельным отраслям науки образуются редакционные советы.

Труд.

7) Пост. СНК СССР от 30 января утверждено положение о комиссии по регулированию найма работников искусств за границей для работы в СССР и в Союзе СССР—для работы за границей (С. З. № 11, ст. 40). Комиссия образуется в составе, назначаемом СНК СССР. Решения комиссии обязательны для всех учреждений, предприятий и частных лиц.

Государственное страхование.

8) Пост. ЦИК и СНК СССР от 8 февраля об изменении ст. 44 положения о государственном страховании СССР (С. З. № 11, ст. 97). Устанавливается организация постоянно действующей центральной ревизионной комиссии по назначению НКФ СССР и постоянно действующих ревизионных комиссий или инспекторов-ревизоров по назначению НКФ союзных республик.

Жилищное законодательство.

9) Пост. СНК СССР от 24 января о порядке утверждения и выполнения планов использования специального капитала Центрального Банка Коммунального Хозяйства и Жилищного Строительства для целей кредитования рабочего жилищного строительства (С. З. № 11, ст. 98) издано в развитие положения о мерах содействия строительству рабочих жилищ (С. З. 1927 г., № 36, ст. 359).

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

Сельское хозяйство.

1. Пост. СНК РСФСР от 7 марта о мероприятиях по проведению весенней посевной кампании 1928 г. («Изв. ЦИК» от 10 марта, № 60). Издано на основании аналогичного постановления СНК СССР. Местным исполкомам предложено добиться расширения посевной площади бедняцких и середняцких хозяйств под товарными, зерновыми и техническими культурами и принять меры к расширению посевов советских и коллективных хозяйств и к организации новых производственных коллективов как на наделенных, так и на пустующих площадях госземлюществ. Ответственность за своевременное и полное проведение посевной кампании возложена на президиумы исполкомов краевых, областных и губернских. Для этой цели должны быть мобилизованы все силы и средства госучреждений и госпредприятий, кооперативных и иных общественных организаций. Мероприятия, связанные с проведением яровой посевной кампании, должны проводиться в кратчайший срок. Отпуск средств на финансирование мероприятий проводится полностью в течение второго и в начале третьего квартала бюджетного года. Местные общества сельско-хозяйственного кредита должны выделить для этой цели и собственные средства. Поступающие средства направляются

в первую очередь на развитие и укрепление совхозов, колхозов и производственных кооперативов, а также для бедняцких и середняцких хозяйств, главным образом, на основе их кооперирования и коллективизации. Должна быть расширена посевная площадь под чистосортными посевами, организованы прокатные и зерноочистительные пункты, ремонтные мастерские и т. п. Кроме того, для нужд проведения яровой посевной кампании должны быть использованы государственной семенной фонд, средства местного бюджета и средства местного населения.

Для расширения посевов установлен порядок проведения контрактации посевов через сельско-хозяйственную кооперацию. Размер кредита при контрактации установлен в 12 руб. на гектар. Договор на контрактацию предусматривает сдачу урожая стоимостью не менее 150% предоставленного кредита с оценкой сдаваемого зерна по существующим заготовительным ценам.

Кроме перечисленных мер намечены мероприятия в областях снабжения семенами, машиноснабжения, снабжения удобрениями и тяговой силой.

2. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля о наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни (Изв. ЦИК от 11 марта, № 61), издано на основании пост. ЦИК и СНК СССР от 1 октября 1926 г. о мерах содействия к переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни («С. З.» 1926 г. № 67, ст. 507). Земельные органы обязаны во внеочередном порядке наделить землей из свободного земельного фонда по местной трудовой норме цыган, желающих перейти к оседлому образу жизни и занятиям сельско-хозяйственными промыслами. На общих основаниях в порядке 46 ст. Зем. Кодекса производится доприселение цыган к существующим земельным обществам. В случае отсутствия свободного земельного запаса оказывается содействие в земельном устройстве в общем порядке переселения. Во всех случаях на цыган распространяются льготы, установленные для переселенцев. Землеустройство участков относится за счет ассигнований из государственных смет.

3. Пост. ЭКОСО РСФСР от 2 февраля об изменении и дополнении постановлений ЭКОСО РСФСР от 25 сентября 1924 г. и от 7 октября 1926 г. о порядке и основаниях отвода и сдачи в аренду торфяных болот для их разработки на топливо, подстилку и удобрение (Изв. ЦИК от 11 марта, № 51) изменяет порядок сдачи торфяных залежей в аренду и ставки арендной платы.

Гражданско-процессуальный кодекс.

4. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля об изменении примечания 2 к ст. 271 ГК РСФСР (Изв. ЦИК от 9 марта, № 59). Взыскание сумм, присужденных кредитно-кооперативным организациям по просроченным судам может быть обращено на всякое без исключения имущество, приобретенное должником на выданную ему ссуду.

Земельный кодекс.

5. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 27 февраля об изменении примечания к ст. 216 Земельного Кодекса РСФСР (Изв. ЦИК от 9 марта, № 59). Подготовка и доклад дел в земкомиссиях и техническое их обслуживание возлагается на заведующего земельным столом ВИК'а, на районного землеустроителя и на землестроительный аппарат уездных округных, губернских, областных и краевых земельных комиссий.

6. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января об изменении п. «б» ст. 168 Земельного Кодекса РСФСР для автономной Бурят-Монгольской ССР. (Изв. ЦИК от 11 марта, № 61) устанавливает землеустройство кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения.

Жилищное законодательство.

7. Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля об изменении и дополнении пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. об урегулировании права пользования жилой площадью и о мерах борьбы с самоуправным занятием помещений в муниципализированных и национализированных домах, а также в помещениях, отчисленных в коммунальный жилищный фонд (Изв. ЦИК от 9 марта, № 59). Въезд в дома, закрепленные по постановлению от 4 мая 1925 г. («С. У.» 1925 г. № 36, ст. 254), допускается лишь с разрешения администрации учреждения или предприятия, за которым закреплен данный дом. Точно

также не распространяется правило ст. 5 декрета 1 августа 1927 г. («С. У.» № 80, ст. 535) на дома, закрепленные в указанном порядке. К договору, обуславливающему срок занятий жилых помещений временными жильцами, вследствие чего они не приобретают права на автоматическое возобновление найма помещения, приравнивается подписка, выдаваемая временными жильцами домоуправлению при въезде в дом.

Просвещение.

8. Пост. СНК РСФСР от 25 февраля об итогах приема в высшие учебные заведения РСФСР в 1927 г. (Изв. ЦИК от 9 марта, № 59) констатирует повышение процента принятых в ВУЗ'ы рабочих и крестьян. Это улучшение социального состава достигнуто без снижения уровня их учебной подготовки. Недочетами все еще являются: неудовлетворительный уровень подготовки поступающих в ВУЗ'ы, особенно из окончивших школу второй ступени, недостаточная предварительная подготовка кандидатур национальных меньшинств в деле приема в ВУЗ'ы недостаточное внимание к отбору пролетарских и бедняцких элементов из культурно-отсталых народов, малое обслуживание рабоче-крестьянского населения краткосрочными курсами по подготовке в ВУЗ'ы.

На 1928 г. сохраняется та же система и порядок комплектования ВУЗ'ов. Наркомпрос проводит и в дальнейшем мероприятия по увеличению процента рабочих и крестьян. Места, отводимые при приеме в ВУЗ'ы для культурно-отсталых национальностей, должны быть использованы исключительно по прямому назначению. Наркомпрос при участии ВЦПОС должен пересмотреть положение о курсах по подготовке в ВУЗ'ы для облегчения выполнения ими задачи по подготовке в высшие учебные заведения преимущественно рабочих и крестьян.

9. Пост. СНК РСФСР от 28 февраля о порядке расходования предусмотренного МанIFESTом 2 сессии ЦИК СССР IV созыва фонда на школьное строительство (Изв. ЦИК от 7 марта, № 57). Средства фонда расходуются на строительство школьных зданий для школ первой ступени в деревнях и фабрично-

заводских поселках. В виде исключения допускается расходование фонда и на строительство зданий фабрично-заводских школ семилеток, если районы эти в полной мере обеспечены школами первой ступени. Средства юбилейного фонда отпускаются с таким расчетом, чтобы уже строительный сезон 1928 г. был использован полностью.

Социальное обеспечение.

10. Пост. СНК РСФСР от 28 февраля о порядке проведения в жизнь мероприятий по увеличению ассигнований на выдачу пенсий инвалидам войны и семьям лиц, погибших на войне (Изв. ЦИК от 7 марта, № 57). Местные исполкомы обязаны включить в расходную часть бюджета текущего года расходы на выдачу пенсий инвалидам, их семьям и семьям лиц, погибших на войне, в размерах, устанавливаемых особым планом. В первую очередь обеспечиваются пенсиями инвалиды гражданской войны. Средства, отпускаемые по бюджетам СССР и РСФСР на названную цель, зачисляются в доходную часть местных бюджетов.

Нотариат.

11. Пост. СНК РСФСР от 25 февраля об изменении и дополнении таксы оплаты нотариальных действий (Изв. ЦИК от 7 марта, № 57). Исполнительные надписи оплачиваются 50 коп. и $\frac{1}{10}\%$ с суммы, подлежащей взысканию, или стоимости подлежащего возвращению либо передаче имущества. По предметам, не подлежащим оценке, а также о выселении исполнительные надписи оплачиваются в 1 рубль. Плата за исполнительные надписи на соглашениях о размере содержания детям и супругу, а также на расчетных книжках на заработную плату взыскивается с должника при приведении надписи в исполнение. Кроме того, установлена такса оплаты свидетельств, подтверждающих наследственные права, и действий нотариальных органов по обеспечению доказательства.

М. Брагинский.

В институтах и обществах.

В Институте Советского Права.

Секция хозяйственно-трудового права заслушала доклад С. И. Раевича на тему: «Якобинский и термидорианский проекты французского гражданского кодекса». Содержание доклада вкратце сводится к следующему:

В буржуазной специальной литературе как французской, так, в особенности, русской, очень мало уделено внимания законодательному творчеству Великой Французской Революции, особенно попыткам кодификации гражданского права, которые предшествовали появлению Кодекса Наполеона. Кроме того, юридическая историография в большинстве случаев неправильно освещает всю эту эпоху и несоблюдает от тенденциозного искажения действительности. Между тем, для марксиста, историка права, некоторые проекты имеют большой интерес. Докладчик ставит предметом своего рассмотрения три проекта Камбасареса и проект Жакмино.

Обрисовал в общих чертах законодательную политику якобинцев, докладчик характеризует проект 1793 г. с точки зрения его социально-политических тенденций, как мелко-буржуазный радикально-демократический проект, проникнутый ненавистью к феодализму, но в то же время чуждый резких антикапиталистических тенденций, которые проводили группировки, стоявшие на более левой платформе, нежели якобинцы. Кроме того, этому проекту присуща характерная для того периода времени вера в разумность и непоколебимость буржуазного строя, наивный

оптимизм, непонимание перспектив капиталистического развития и связанных с этим задач гражданского законодательства, умеренный индивидуализм и т. п.

Якобинцы, ставшие у власти в 1793 г., были революционерами, использовавшими законодательную деятельность, как средство революционной борьбы и закрепление ее достижений. Это отразилось в двух частях проекта Камбасареса, в семейном и наследственном праве. Так, одним из средств предотвращения возможной реставрации феодализма, как социально-политической системы, в значительной степени основанной на семейном деспотизме, должно было служить раскрепощение членов семьи от власти главы семьи. Якобинцы в соответствии с этим решительно становятся на путь светского брака и проект рассматривает брак, как простой договор, который может быть расторгнут по воле одного из супругов. Брачный возраст в проекте понижается, а родительская власть значительно умалывается. Проект 1793 г. охотней признает обязанности родителей, нежели их права.

В вопросе об имущественных отношениях супругов проект 1793 г. приближается к общности движимого и приобретенного имущества супругов. Однако, разрешение этого вопроса в проекте принципиально иное, нежели в современных буржуазных кодексах, что очень интересно, ближе всего подходит к советскому праву. Проект вводит, как одно из средств борьбы с феодальной нераздробимостью родовых имуществ и связанным с этим неравенством состоя-

ний, равный раздел между детьми семейного имущества и ограничивает свободу завещаний. Проект 1793 г., охраняя интересы мелкобуржуазной демократии, отнюдь не был склонен защищать наемный труд. Так, проект излагает правила о личном и имущественном найме в одном титуле, не делая между ними какого-либо различия. В вопросе о внебрачных детях проект встал на защиту еще не избоблавшей деньгами и расчетливой буржуазии, для которой алименты представлялись бессмысленным и несправедливым бременем. В связи с этим проект якобинского кодекса не допускает отыскание отцовства.

В обязательственном праве проект стоит на точке зрения договорной свободы в такой широкой степени, какая неизвестна современным буржуазным кодексам. Вещное право точно так же проникнуто ярко выраженным индивидуализмом. Зато целый ряд других весьма важных, с точки зрения развитого буржуазно-капиталистического общества, институтов гражданского права не получил никакого выражения в проекте 1793 г. Так, совершенно отсутствует регламентация юридических лиц, договора товарищества, акционерных обществ, страхования и т. п. Это показывает, что члены законодательного комитета конвента не понимали открывающихся перспектив развития грядущего капитализма.

Характерной особенностью этого проекта является своеобразный интернационализм, тающийся в убеждении, что принципы, которыми руководствовались авторы проекта в своей законодательной деятельности, применимы повсюду и равно должны повести к счастью всего

человечества. Так, первый проект Камбасереса представляет весьма интересный и яркий образец якобинского правотворчества, тесно связанный с основными линиями общей политики стоявшей тогда у власти группы мелкобуржуазных революционеров.

В конвенте проекту было оказано большое внимание и особых возражений он не вызвал. Однако, по причине якобы своей громоздкости и переобремененности теническими юридическими правилами, проект не был принят. В связи с этим была назначена комиссия для составления второго проекта. Опубликованный через год второй проект, разработанный которого относится к периоду до термидора, по содержанию почти не отличался от первого, но был меньше его по объему. Сжатость его изложения скорее напоминает схему кодекса, чем самый кодекс. Затем была создана новая комиссия для переработки второго проекта. Третий проект был рассмотрен уже в правлении директории, когда обнаружился реакционный поворот в политике, что повлекло за собой изменение точки зрения на задачи гражданского законодательства. В связи с этим третий проект Камбасереса и проект Жаммино отражают торжество капиталистической буржуазии и постепенное нарастание в правительственной политике реакционных тенденций.

После доклада состоялся обмен мнениями.

И. С. Перетерский считает правильным утверждение докладчика о том, что французские истории права умалют значение этого периода истории французского права и тенденциозно извращают его. Оппонент обращает внимание на характерный для мелкобуржуазного «интернационализма» этой эпохи закон 8 апреля 1791 г., предоставляющий иностранцам право на получение наследства во Франции даже после смерти французов. Ст. 4 конституции 1793 г. также уравнивает в этом отношении иностранцев с французами. Наоборот, ст. 11 гражданского кодекса предоставляет эти права иностранцам при условии взаимности. В образовании этой статьи Наполеон сыграл крупную роль. Сила этой статьи в дальнейшем

умерла вместе с падением самого Наполеона и хотя она формально существует и поныне, но фактически в нее теперь вложен новый смысл.

В. Н. Шретер подвергает сомнению утверждение докладчика, что Камбасерес сам был якобинцем. По мнению оппонента, он скорее юрист-специалист, и, таким образом, вряд ли он полностью проводил и отражал воззрения якобинцев. Кроме того, необходимо принять во внимание и то соображение, что, в силу консерватизма гражданского права, на законодательное творчество рассматриваемого периода имели большое влияние и дореволюционные проекты. В истории французского гражданского права не может быть такой резкой кривой, какая имелась в области политической жизни. Так, ограничение свободы завещания нужно рассматривать в связи с ликвидацией семейной собственности, а этот процесс начался еще до термидора. Главную роль в этом процессе играли интересы кредиторов. В этом отношении Наполеон шел дальше якобинцев. По мнению оппонента, докладчик сделал упущение, не затронув проблему юридических лиц, так как отношение революции к различным видам общества в связи с ее боязнь посредствующих между государством и отдельными гражданами организаций, весьма характерно для рассматриваемой эпохи. Между тем, эта идея оказалась живучей во Франции до сих пор. Наконец, оппонент выражает сожаление, что докладчик совсем не остановился на тогдашней проблеме «центра и мест», т.е. противопоставления Парижа революциям.

С. М. Прушицкий интересуется вопросом, не выявляют ли все проекты связь термидорианской экономической политики с экономической политикой якобинцев в предтермидорианский период, и в частности, не была ли экономическая политика якобинцев перед термидором по существу термидорианской, так что не было надобности в правовом оформлении стремлений буржуазной реакции. Оппонент полагает, что докладчик поспешил с обобщениями по вопросу о привилегированных претензиях лавочников, полагая, что авторы проектов в первую очередь заботились

о защите интересов лавочников. Ведь речь шла о булочниках, торговцах съестными припасами и т.п., и объясняется такое положение не столько о лавочниках, сколько об обеспечении Парижа продовольствием, для чего при отсутствии госснабжения требовался широкий кредит и нужны были гарантийные меры для поощрения продкредита.

В своем заключительном слове докладчик указал, что в вопросе о политике термидорианцев по отношению к праву собственности и обязательственному праву главная работа была проделана якобинцами. У первых уклон был только в области семейного и наследственного права. Что же касается народно-хозяйственной политики якобинцев, то докладчик не ставил себе целью дать ее подробную характеристику. По вопросу о привилегированных претензиях докладчик признает справедливыми указания С. М. Прушицкого.

Докладчик указывает, что он не интересовался специально личностью Камбасереса. Докладчик не причисляет его к числу видных якобинцев и допускает возможность, что он был просто специалистом-юристом. Но, тем не менее, веяние эпохи сказалось на нем сильно, и это дает основание считать его утверждения и взгляды в достаточной мере отражающими взгляды руководящей группы якобинцев. Проблему противопоставления Парижа остальной Франции докладчик не считает имеющей большое значение. Во всяком случае, главное ядро якобинцев не опиралось исключительно на Париж. Поскольку в проекте не говорится о юридических лицах, докладчик счел возможным не останавливаться на них. По поводу замечания В. Н. Шретера о небольших колебаниях в области гражданского права по сравнению с теми колебаниями, которые имели место в политической сфере, докладчик согласен с оппонентом только по отношению к вещному и обязательственному праву. В области же семейного и наследственного права изменения были весьма значительны.

По замечаниям И. С. Перетерского докладчик не имеет возражений.

К. Я.

НОТ в органах юстиции.

Опыт экономкомиссии Московского губсуда по рационализации делопроизводства.

Обмен мнений, опыта и достижений во всякой отрасли деятельности объединенных единой целью и задачами есть основное условие для успешного и скорейшего достижения поставленных перед собой целей.

Отдельный ли человек или целое объединение (без различия величины последнего), поставившие перед собой разрешение той или иной задачи или достижение той или иной цели, но находящиеся в изолированном состоянии от других лиц или объединений, родственных по работе, за отсутствием притока со стороны свежих мнений и мыслей, в конечном итоге окажутся не в состоянии усовершенствоваться и свою работу ускорить достижения желаемого.

Вот в подобном изолированном положении находятся сейчас экономкомиссии губ., окр., обл. и краевых судов РСФСР. Все эти ЭКО существуют уже несколько лет и каждая из них имеет и свои достижения, свой метод работы, свой опыт, но все это остается неизвестным для всех других ЭКО. Отсутствие связи распыляет силы и тормозит выполнимые возлагаемые на ЭКО судебных учреждений задач.

Имевшие место случаи распространения Наркомюстом отдельных крупных достижений одного губсуда на все другие (отмена особого кассационного срока, назначение касс. дел на местах) подтверждают необходимость усиления связи между ЭКО, так как подобные случаи единичны, а большая часть работы экономкомиссий остается в неизвестности.

За отсутствием возможности установить необходимую постоянную и непрерывную живую связь между ЭКО губ., окр., обл. и краевых судов РСФСР и невозможностью в настоящее время подойти к вопросу организации конференции экономработников, мы считаем единственно возможным на страницах «Юст. Сов. Юстиции», читаемого во всех судебных учреждениях центра и периферии, произвести хотя бы краткий обмен достижениями, методами и планами работ и таким порядком достигнуть необходимого единообразия методов работы, единства действий, возможности распространения достижений, отыскания причин имеющихся недостатков и способов их устранения.

Положительность такого обмена, полагаем, неоспорима и настолько ясна, что приводить какие-либо доказательства, было бы совершенно излишним.

В данной статье мы хотим сообщить кратко, насколько позволяет место, о проделанной работе экономкомиссией Московского губсуда с тем, чтобы вызвать такой же ответ со стороны ЭКО других губ., окр., обл. и краевых судов РСФСР,

поделиться опытом, обменяться достижениями и установить единство действий в той большой работе, которую ведут ЭКО и значение которой еще раз подтверждено и подчеркнуто недавно изданным циркуляром НКЮ № 11 от 12 января 1928 г. и ЦК союза совторгслужащих № 236/26 г. от 21 января 1928 года.

О возникновении ЭКО в Московском губсуде последней проделана следующая работа: по предложению экономкомиссии было отменено составление описи бумаг по уголовным и гражданским делам.

Техническим судебным работникам хорошо известно, что значит составление описи бумаг, на которое по самому небольшому делу требовалось минимум 5 минут.

Так, если взять общее годовое количество хотя бы за 1926 г. 450.000 дел, гражданских и уголовных, Моск. губсуда и нарсудов Москвы и губернии, то получается колоссальная цифра в 37.500 рабочих часов или 6.250 рабочих дней, которые затрачивались на совершенно ненужную работу. Если перевести это количество на сотрудников, то получится 28 человек, годовая зарплата коих выразится в 21.840 руб.

Упраздненное составление описи заменено одной лишь нумерацией листов дела. Без описи обходился уже более года, и убедились, что это была совершенно ненужная работа, исполняемая по старинке и лишь казавшаяся крайне необходимой.

С момента введения в Московском губсуде карточной системы в гражданском и уголовном кассационных отделениях наравне с другими отделениями вместе с большими карточками (вместо наст. реестра) и алфавитными были введены корреспондентские карточки. В процессе работы сотрудники заметили их ничтожность, так как в подавляющем большинстве случаев переписка приобщалась к делам, а для остальных бумаг (незначительное количество) существуют наряды.

На одном из производственных совещаний сотрудники высказались за упразднение корреспондентских карточек и за отмену регистрации поступающей переписки.

Это предложение было проверено ЭКО, последнее согласилось с предложением, и корреспондентские карточки отошли в вечность.

В результате освободились два сотрудника, ведших эту работу, за которую платили в год 1.560 рублей.

Существовал порядок, при котором все бумаги, посылаемые отделениями не только в другие учреждения, но и передаваемые внутри губсуда между отделами, отделениями и частями, имели еще препроводительное отношение. Так, напр., угол.-суд. отделение, посылая определение в финчасть для оплаты экспертизы, непременно с препроводительным отношением. Все это требовало лишней бумаги, труда и времени.

ЭКО при обследовании вопроса о документообороте внесло предложение администрации отменить этот порядок, с чем администрация и согласилась.

Далее. В уголовном судебном отделении существовал опросный лист, имевший в себе около 20 граф, который заполнялся каждым обвиняемым по поступающим в УСО делам.

Несмотря на то, что в процессе дознания и предварительного следствия обвиняемый опрашивался и им заполнялись опросные листы, откуда и можно было черпать требуемые сведения, все же при поступлении дела в УСО обвиняемый вызывался вновь и вновь заполнялся лист. На это шло время и сотрудников и конвоя и самого обвиняемого, а заказ опросных листов в типографии требовал расходов.

Это тоже было отменено администрацией по предложению ЭКО.

По инициативе одного из губернских судов, НКЮ было отменено ведение особого кассационного производства, вследствие чего бумаги стали подшиваться в дело нарсуда и по заслушании все возвращалось в нарсуды.

ЭКО Московск. губсуда пошло далее: так существовавшую обложку дела нарсуда мы разделили на две половины, из которых верхняя заполняется нарсудом при заводке у них дела, а нижняя заполняется также в нарсуде, но лишь при поступлении кассационной жалобы. Т.-е. ту надпись на обложке (по кассац. жалобе такого-то и т. д.), производимую ранее в губернском суде, производят в нарсуде. Слова «по кассац. жалобе» напечатаны типографией, а потому в нарсуде приходится лишь проставить фамилию кассатора. Кроме того, нижняя половина заменила препроводительное отношение, которое прилагалось к каждому отсылаемому делу, вследствие чего на ней указывается исходящий №, а также подписи нарсудьи и секретаря.

В связи с этим мероприятием упростилась работа по заводке дела в кассац. инстанции, где требуется проставить лишь порядковый № дела. Заводка дел ускорена на 50%.

Но положительный результат этим не ограничивается. Во-первых, достигнута стандартизация обложки для всех нарсудов Москвы и губернии, увеличился их тираж, а с этим уменьшилась их стоимость.

Экономия на стандартизации выразилась в 1.906 руб. Упразднение препроводительных отношений для дел (заказывалось ежегодно 99.000 бланков), дало экономии в 180 руб. Отмена же обложек ГКО (40.000 шт.) и УКО (20.000 шт.), дало экономии в 1.500 руб. Стоимость дела снизилась с 34 коп. до 28 коп.

По существовавшему порядку в угол.-кассац. и угол.-суд. отделениях каждый гр-н, желающий получить свидание с родственником, находящимся в заключении и числящегося за губсудом, должен явиться в губсуд, подать заявление, получить ордер и с ним уже ехать в соответствующее место заключения. Такой порядок отнимал много времени у трудового населения, подчас живущих в селах и деревнях. Надо при этом сказать, что в каждом месте заключения существовали свои дни для свиданий, а потому получение ордера на свидание не всегда совпадало с днем, установленным для свидания, и, таким образом, крестьянам, приходилось приезжать в Москву по два раза.

В настоящее время разрешение на свидание, по делам находящимся в губсуде получается помимо губсуда непосредственно в месте заключения, вследствие чего трудовое население не затрачивает уже много времени и средств на поездки, а с этим разгрузились справочные столы в губсуде, не говоря о том, что отпал заказ 12.000 бланков ордеров на свидание.

К значительным мероприятиям нужно отнести предоставление права ответчикам производить причитающиеся с них по судебным решениям взносы не только лично и непосредственно суд исполнителю, но и через Горбанк или переводом по почте.

Это достижение отвечает, главным образом, интересам сельского населения, которым приходилось совершать поездки по десяткам верст к суд. исполнителю.

Пределы настоящей статьи не позволяют продолжить далее перечисление проделанной работы ЭКО Мосгубсуда, и приходится ограничиться вышеизложенным.

Мы также считаем нужным остановиться на методах работы ЭКО. Заседания ЭКО происходят еженедельно. Все вопросы в проработанном виде, изложенные письменно, вносятся на обсуждение ЭКО тем лицом или группой (необязательно членом ЭКО), коим была поручена проработка данного вопроса. Вопросы обсуждаются по обычному порядку всех заседаний, фиксируются в протоколе, который после утверждения местным комитетом поступает на усмотрение администрации. Проработка вопросов или обследований производится членами ЭКО, выделенными на заседания ЭКО, с привлечением и других сотрудников.

В целях проверки результатов обследования, пополнения их мнениями самих технических сотрудников, а главное в целях активного участия самих сотрудников в экономработе результатный материал обследования, прежде рассмотрения его экономкомиссией, вносится на обсуждение производственных совещаний сотрудников, той части, отделения или отдела, к которым относится обсуждаемый вопрос.

После производственного совещания материал с приложением протокола указанного совещания прорабатывается заседанием экономкомиссии, на котором кроме членов ЭКО присутствуют и все другие сотрудники, желающие принять участие в обсуждении.

Это правило внесения всех вопросов на обсуждение производственных совещаний сотрудников положено в основу работы ЭКО и обеспечивает жизненность и реальность разрабатываемых вопросов.

С каждым годом работа ЭКО Мосгубсуда углубляется, и расширяется масштаб деятельности. Так, если в начале работы предметы разработок и суждений были мелко-технического характера, то в настоящее время ЭКО перешла на крупные вопросы структуры отделов и всего аппарата губсуда. В последнее время были обследованы инстр.-ревиз. и адм.-хоз. отделы. Кроме того, ЭКО, а также и все сотрудники принимают участие в работе по бюджету и по штатам губсуда.

Успешности работы ЭКО Мосгубсуда сильно способствует внимательное и деловое отношение со стороны губсуда, который живо откликается на все делные предложения ЭКО. Конфликтных вопросов до настоящего времени нет.

Надеемся получить отклик о работе других ЭКО судебных учреждений, раскинутых в обширных пределах Республики.

Экономработники Моск. губсуда

А. Кондратьев и Н. Соколов.

Х р о н и к а.

Возмещение ущерба, нанесенного имуществу нанимателя торговыми служащими гос. и кооперативных предприятий, учреждений и складов.

Нанесенный имуществу нанимателя торговыми служащими гос. и кооперативных предприятий, учреждений и складов ущерб возмещается на основании правил НКТруда РСФСР (№ 257—27 г.—«Изв. НКТ» № 51—27 г.).

Торговые служащие отвечают за материальный ущерб, причиненный нанимателем, в тех случаях, когда наличие недостач товаров сверх установленной нормы недостачи, вследствие небрежного отношения торгового служащего к своим служебным обязанностям; нормы недостачи устанавливаются по соглашению сторон применительно к ориентировочным нормам Наркомторга. Заключение этих соглашений для хозорганов обязательно под страхом уголовной ответственности; когда наличие неправильное израсходованное вверенных на хозяйственные надобности сумм, а равно невозвращение неизрасходованной части этих сумм.

Порядок израсходования и возвращения аванса определяется утвержденными Наркоматами РКИ, Внешней и Внутренней Торговли и Финансов СССР, ВСНХ СССР от 3 ноября 1926 г. правилами о порядке выдачи и расходования подотчетных сумм (авансов) в государственных учреждениях и предприятиях, состоящих на коммерческом (хозяйственном) расчете («Изв. НКТ СССР», 1927 г., № 1), и иными правилами, могущими быть изданными по этому вопросу.

Торговые служащие отвечают в случаях причинения нанимателю ущерба неправильными действиями торгового служащего, о которые повлекли для нанимателя обязанность выплаты излишних сумм, например, в случае просрочки по вине служащего в уплате причитающихся с учреждения и предприятия налогов, взносов по социальному страхованию, платежей за коммунальные услуги и т. п. (или причинения нанимателю ущерба вследствие утраты денежными документами полной или частичной ценности, как-то: в случае просрочки в представлении векселей к протесту и т. п.).

Ответственность наступает и в случае причинения убытков действиями торгового служащего, преследуемыми в уголовном или судебном дисциплинарном порядке.

Торговые служащие несут материальную ответственность в порядке постановления СНК РСФСР от 29 июля 1927 г. лишь в том случае, если такая ответственность предусмотрена специальным договором или если соответствующий пункт включен в расчетную книжку нанявшегося или в индивидуальный (письменный) трудовой договор в случае заключения такового.

При установлении судебными органами размеров подлежащего возмещению ущерба должны учитываться не только причиненные убытки, но и та конкретная обстановка, при которой эти убытки были причинены, а также материальное

положение торгового служащего. Недопустимо возложение на трудящегося ответственности за такой ущерб, который может быть отнесен к категории нормального производственно-хозяйственного риска, а равно не допускается взыскание упущенной нанимателем выгоды.

Размер удержаний из заработной платы служащего, производимых для покрытия ущерба, подлежащего возмещению на основании постановления СНК РСФСР от 29 июля 1927 г. (Собр. Узак., 1927 г., № 77, ст. 527) и правил, не может превышать размера, установленно ст. 289 Пр. Проз. Код.

Регулирование сбыта продукции местной промышленности.

НКТорг РСФСР предложил своим местным органам (ц. № 311—27 г.—«Сов. Торп.» № 71) установить снабжение местного рынка продукцией местной промышленности и забронировать за местными торговыми организациями путем заключения последними длительных договоров с промпредприятиями ту часть продукции последних, которая не сдается синдикату данной отрасли промышленности и которую целесообразно реализовать на местном рынке.

Если вследствие территориального расположения промышленности, направления транспортных путей, отсутствия местного спроса, либо иных причин, реализация продукции местной промышленности внутри данного административного района признается нецелесообразной или частично невозможной, местным органам НКТорга необходимо рассмотреть инарынную контр-агентуру и торговую сеть местной промышленности, ориентируясь при этом на максимально-возможное приближение места потребления продукции местной промышленности к месту ее производства.

Если несоответствие ассортимента и качества продукции местной промышленности характеру внутрирайонного спроса является основным препятствием для ее внедрения в местный товароборот, местным органам НКТорга надо поднять перед местными исполкомами вопрос о необходимости пересмотра производственных программ предприятий местного значения в сторону максимально-возможного приспособления производственного ассортимента и качества продукции местной промышленности к характеру местного спроса.

Принимая во внимание высокий удельный вес участника в контрагентуре ряда отраслей местной промышленности, местные органы НКТорга, в соответствии с директивами правительственных органов в отношении участника и учитывая необходимость полной нагрузки обобщественного сектора торговли, должны установить порядок и размер отпуска участнику изделий местной промышленности.

Совместно с местными органами ВСНХ необходимо ускорить установление основанных на калькуляций отпускных цен на изделия всех предприятий местной промышленности.

Возмещение убытков от смерти или увечья поставляемых населением лошадей во время тушения пожара в сельских местностях.

Постановлением НКЗема, НКФина и Росгосстраха от 1 декабря 1927 г. № 401/74—СЭ («С. Х. Ж.» № 50) установлено возмещение убытков от смерти или увечья лошадей, поставляемых населением под пожарные обозы на пожары в сельских местностях в РСФСР.

Вознаграждение устанавливается в размере действительной стоимости лошадей, но не свыше установленной по данной местности для непородистых лошадей предельной страховой нормы по добровольному страхованию.

Вознаграждение за простой, вследствие полученного увечья лошади при пожаре, устанавливается в размере не свыше 1 рубля в сутки и не свыше, как за 30 дней. Это вознаграждение выдается только по удостоверениям ветперсонала, производившего лечение.

О падеже лошади при тушении пожара немедленно, во всяком случае, не позднее 3 дней, составляется акт председателем сельского совета в присутствии 2 посторонних свидетелей, которыми одновременно устанавливается действительная стоимость лошади. Там, где работала пожарная организация, в составлении акта обязательно участие представителей этой организации. В акте отмечаются стоимость лошади, все обстоятельства и причины падежа ее. Акт немедленно пересылается страховому агенту.

По данным полученного акта о падеже на пожаре агент в случаях, не вызывающих сомнений, производит оплату (ликвидацию) немедленно. В сомнительных случаях агент немедленно выезжает на место и производит расследование.

В случае происшедшего при тушении пожара увечья лошади, вызывающего временную потерю ее работоспособности, владельцу лошади заявляет о том председателю сельского совета, который в присутствии свидетелей осматривает лошадь и составляет акт с описанием характера полученного лошадию повреждения и немедленно направляет этот акт ветперсоналу.

Акт с заключением ветперсонала направляется страх-агенту, который, по выздоровлении лошади, выдает владельцу или его доверенному вознаграждение за простой из расчета, указанного выше.

В случае падежа лошади после простоя, вследствие осложнения полученного увечья, когда вознаграждение за простой выдано, владельцу выплачивается вознаграждение в полной стоимости лошади за вычетом полученного вознаграждения за простой.

Обследование по делам об усыновлении.

Некоторые волостные исполнительные комитеты не рассматривают по существу ходатайства о разрешении усыновления детей, а всех обращающихся с заявлениями по этим делам направляют непосредственно в стол записи актов гражданского состояния для регистрации усыновления. ЗАГС ограничивается исключительно проверкой того, соблюдены ли формальные требования закона, т. е. имеет ли право усыновлять заявитель, имеются ли подписки о согласии

на усыновление родителей усыновляемого, супруга усыновителя и пр.

Между тем самый существенный вопрос о соответствии усыновления интересам ребенка, без чего по закону не может быть допущено усыновление (ст. 57 Кодекса законов о браке, семье и опеке), остается в этих случаях неразрешенным.

Вследствие этого, Наркомпрос предложил (п. № 205—27 г.—«Еж. НКПроса» № 57—27 г.) губ., край., обл.ОНО просить президиумы губ., край., обл.исполкомов, рай.испол. вол., рай.исполкомов, что по каждому делу об усыновлении они должны предварительно выяснить, соответствует ли усыновление интересам ребенка, и только в утвердительном случае при соблюдении всех прочих требований закона составлять постановление о разрешении усыновления, которые и передавать для регистрации.

Наркомпрос предложил также отделам народного образования не составлять постановлений о разрешении усыновления без предварительного обследования.

Когда выдаются усиленные выходные пособия.

В разъяснительной практике НКТруда СССР применяются следующие основные положения о порядке применения пост. СНК СССР от 27/IX—27 г. об усиленных выходных пособиях служащим, уволенным вследствие рационализации аппарата («Изв. НКФ» № 11, стр. 259).

Закон об усиленных выходных пособиях применяется: в случае объединения или перераспределения функций разных учреждений, как в пределах одной организации, так и в пределах нескольких организаций; при ликвидации или сокращении функций в связи с передачей их частью или полностью другим организациям или своим же отделениям; при полном упразднении или отпадении функций в связи с общей рационализацией учреждений; в случаях районирования, сводящегося к децентрализации аппарата с перемещением отдельных административных единиц из города в город.

Закон не применяется: при сокращении или ликвидации работ или учреждений и их частей по причинам, не связанным с рационализацией, как, например, сокращения или прекращения временных или сезонных работ; длительной приостановки или ликвидации по причинам финансового характера, или же сокращения или полного отсутствия необходимой заправки (например, ликвидация торгового отделения за отсутствием спроса); при совместительстве—в случае, когда совместитель сохраняет работу по одной из совмещаемых должностей; при расформировании ликвидационной группы; в случае отказа увольняемого от перевода на другую соответствующую его квалификации работу, хотя бы с необходимостью перемещения в другое местожительство (в последнем случае с принятием учреждением на себя всех расходов по перемещению согласно ст. 82 КЗоТ); когда увольняемый оставляется на временную работу сроком на два месяца; когда увольнение произошло ранее отбуксования закона и уволенный уже имел работу.

Охрана труда горняков.

Президиум ЦК горняков разослал своим местным комитетам письмо, в котором предлагает: во главу угла своей работы поставить повседневное наблюдение за точным выполнением колдоговоров хозорганами, за проведением в жизнь намеченных органами НКТ мероприятий по технике безопасности и охране труда, за полным, своевременным и целесообразным использованием средств.

В случаях нарушения отдельными хозорганами колдоговоров, трудового законодательства, невыполнения ими мероприятий по охране труда и технике безопасности, а также неиспользования ими кредитов на жилищное строительство принять против них меры судебного воздействия, доводя об этом до сведения рабочих. О всех препятствиях, чинимых местными организациями в отношении передачи суду злостных нарушителей договоров, немедленно сообщать в ЦК. Никакие оправдания и ссылки союзных органов на невозможность добиться выполнения договоров из-за вмешательства в это дело местных организаций не будут приняты во внимание.

Усилить массовую работу в цехах и сменах, строить ее на основе обсуждения и разрешения широкими рабочими массами вопросов труда и быта и намеченных мероприятий по рационализации производства и удешевлению себестоимости, обратив особое внимание на увеличение охвата рабочих производственными совещаниями и регулярный созыв сменных собраний. Президиум ЦК подчеркивает, что за малейшее послабление, которое будет допущено со стороны профбанков в деле удовлетворения законных требований рабочих по вопросам труда и быта, они, в соответствии с уставом нашего союза, будут отстранены от работы и привлекаться к союзной ответственности.

Хранение местных средств в кредитно-кооперативных товариществах.

НКФ СССР постановил (п. № 193—27 г.—«Изв. НКФ» № 13—28 г.), что специальные фонды, капиталы и средства местного значения могут быть помещаемы на хранение в кредитно-кооперативных товариществах лишь в тех случаях, когда законодательством Союза ССР или союзных республик не предусматривается по отношению к отдельным видам специальных фондов, капиталов и средств особого порядка их хранения, точно устанавливающего учреждения, в которых указанные фонды, капиталы и средства должны храниться.

Хранение свободных средств в кредитно-кооперативных товариществах разрешается лишь при соблюдении следующих условий: товарищества эти должны быть зарегистрированы в органах НКФ на началах, установленных положением о кооперативном кредите от 18 января 1927 г. («С. З.» 1927 г., № 4, ст. 44); свободные средства могут храниться лишь в тех кредитно-кооперативных товариществах, которые пользуются в кредитующих их кредитных учреждениях и организациях страховыми для удовлетворения вкладчиков кредитами в размерах и формах, действительно обеспечивающих своевременную

выплату товариществами вносимых вкладов; финансовое положение кредитно-кооперативных товариществ должно быть признано удовлетворительным подлежащими органами надзора по согласованию с соответствующими кооперативными союзами (а за неимением их—с кооперативными советами) и обществами с.х. кредита или иными кредитными учреждениями по принадлежности.

В правилах кредитно-кооперативных товариществ по приему вкладов от учреждений, находящихся на местном бюджете, должна быть предусмотрена обязанность вкладчика заблаговременно ставить в известность товарищество в случае изъятия им (вкладчиком) суммы вклада выше определенного размера. При этом в правилах должны быть точно установлены не только предельный размер указанной выше суммы, но и срок предварительного уведомления товарищества.

Указание в счетах отпускных и продажных цен.

По постановлению НКТорга СССР («Сов. Торг.» оф. прил. № 71—27 г.), все государственные и кооперативные торгующие организации, обязанные производить торговлю по установленным ценам или с установленными накидками, должны при выписке продажных счетов по оптовому и мелко-оптовому сделкам указывать в счетах по каждому товару: отпускную цену промышленности; продажную цену данной торгующей организации, включающую установленную для нее торговую накидку; продажную цену данной торгующей организации, включающую торговую накидку и фрахт (когда последний в накидку не входит).

За нарушение и неисполнение настоящего предписания виновные подлежат ответственности, согласно соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик.

Как ведется борьба с злостными недоимщиками в Москве.

Кампания по ликвидации недоимок в Москве началась. По всем районам проводятся совещания с членами секций Моссовета и районными финработниками. Весь город разбит на участки, и в каждом из них организована ячейка, для ликвидации недоимок.

Издаются распоряжения, обязывающие домоуправления вести учет всех лиц, имеющих предприятия или закрывших таковые.

Открыта специальная судебная камера при Мосфинотделе для разбора дел по неплатежу недоимок. К передаче в эту камеру намечено значительное количество дел. Но в судебные инстанции будут передаваться только дела явно злостных неплательщиков. Лицам же, добровольно покрывающим числящиеся за ними недоимки по налогам и сборам, будут оказываться возможные льготы.

В уезде также развертывается широкая кампания по ликвидации недоимочности. Особое внимание обращается на Московский уезд и многочисленные дачные поселения, где обычно укрываются от платежа долгов и налогов бывшие владельцы частных предприятий, закрывшие таковые.

Гербовый сбор с обращений в нотариальные учреждения.

В циркуляре № 199—27 г. («Изв. НКФ» № 13—28 г.) НКФ СССР делит обращения граждан в нотариальные органы на две группы: обращения о совершении нотариальных действий, т. е. таких действий, которые составляют специальные функции только нотариальных контор и заменяющих их органов; функции эти перечислены в ст. 9 положения о государственном нотариате РСФСР и в соответствующих узаконениях других союзных республик; за совершение их взимается особый сбор по «таксе оплаты нотариальных действий»; таковы, например, удостоверения сделок, протесты векселей и варрантов, засвидетельствование нахождения лица в известном месте, и т. п.; обращения о выдаче справок, удостоверений и т. п. документов по предметам компетенции нотариальных

учреждений на общих основаниях с другими правительственными учреждениями и должностными лицами, выдача каковых документов не указана в законе в числе нотариальных действий, а составляет обязанность нотариальных учреждений, как правительственных органов.

Обращения первой группы освобождены от гербового сбора по § 62 перечня изъятий. Следовательно, в силу § 39 того же перечня, свободны от него и ответы на эти обращения, т. е. сообщения нотариальных органов о совершении или несовершении действий, о которых просит обращающийся, о встретившихся препятствиях к их совершению и т. п.

Таким образом, подлежат гербовому сбору залоговые свидетельства, удостоверения о передаче заявлений одних лиц другим, исполнительные надписи на нотариально удостоверяемых доку-

ментах, удостоверения о нахождении лица в определенном месте и т. п. Но свободны от гербового сбора надписи на документах, содержащие в себе засвидетельствование подлинности подписей, верности переводов и др., так как табель, упоминая о некоторых надписях, ограничивает виды надписей, подлежащих обложению.

Что же касается обращений второй категории о выдаче документов, аналогичных документам, выдаваемым другими (не нотариальными) правительственными органами, то к ним § 62 перечня изъятий неприменим. Поэтому как обращения о выдаче таких документов, так и самые эти документы, должны облагаться гербовым сбором на общем основании. К числу таких документов относятся, например, справки о запрещениях и удостоверениях о взносе денег в депозит, если эти удостоверения не заменяют квитанций в принятии денег.

Библиография.

Е. Д. Данилова. «Действующее законодательство о труде Союза ССР и Союзных Республик», издание второе, переработанное и дополненное, в двух томах. Издание «Вопросы труда». 1927 г.

Предыдущее издание «Действующее законодательство о труде» получило настолько широкое распространение, так твердо вошло в практический обиход работников в области трудового права, что при оценке нового издания не приходится говорить о значении этих сборников. Этим изданием удовлетворяется насущнейшая потребность практиков и теоретиков трудового права и вообще всех лиц, сталкивающихся с вопросами трудового права. Без этих сборников ориентировка в действующем нормативном материале по труду была бы сопряжена с большой затратой времени на подыскание (подчас безуспешное) соответствующей нормы, и, кроме того, выяснение вопроса о том, действует ли данная норма. «Действующее законодательство» дает возможность быстрого разрешения обоих вопросов. Для теоретиков эти сборники дают, прежде всего, историческую перспективу развития трудового законодательства в наглядной форме. Много тому способствует вводный очерк и многочисленные подстрочные примечания, которые по существу являются краткими комментариями, тем более ценными, что составитель оперирует исключительно официальным материалом. Ценность предыдущего и нового издания для лиц, изучающих трудовое право, не одинакова. И вот почему.

В предисловии к 1-му тому рецензируемых сборников Е. Н. Данилова, объясняет причины, вынудившие составителя в некоторых случаях привести часть материала не всегда текстуально. Например, по соображениям экономии, не помещены полностью постановления отдельных республик по одному и тому же вопросу, при условии незначительного расхождения между ними. По тем же соображениям не включены полностью постановления, отменяющие или изменяющие предыдущие, циркулярный материал дан в извлечениях или приводится их краткое содержание. Для практического пользования такая экономная система изложения нормативного материала не вызывает затруднений, но для целей теоретического исследования, оба сборника, давая по-прежнему облегченную ориентировку в материале, не исключают необходимости в обращении к самому тексту того или иного постановления. А легко ли получить текст какого-нибудь республиканского циркуляра по труду? Между тем, советское трудовое право нуждается еще в большой проработке, и возможность обозрения всего относящегося к данному вопросу материала, несомненно, способствовала и ускорила появление у нас работ по трудовому праву. И несомненная заслуга составителя, что нормы трудового права, известные даже трудовикам, почти исключительно в пределах данной республики, стали доступны для исчерпывающего ознакомления и по другим республикам. «Дей-

ствующее законодательство о труде» в том виде, в каком оно было задумано составителем, т. е. систематизация всего законодательства о труде Союза ССР и союзных республик, давало надлежащую перспективу при разработке вопросов о путях развития трудового права в отдельных республиках после издания Кодекса Законов о Труде 1922 г. При системе, принятой в новом издании, неизбежны при всей опытности и компетентности составителя, известный субъективизм, и для безошибочной ориентировки в каком-либо вопросе изложение какого-нибудь циркуляра или соответствующее подстрочное примечание может оказаться недостаточным. Между тем, такая сравнительная обработка материала потребовала огромного труда, кропотливой работы по выборке отличия отдельных постановлений по различным республикам, и пробелы в этом отношении весьма вероятны.

Разумеется, лучшей проверкой в этом отношении будет практическое пользование сборниками.

Нам представляется, что даже строгие требования экономии не могут служить основанием для существенного изменения плана издания указанных сборников. При наличии более или менее существенных отличий того или иного республиканского нормативного акта, необходимо приведение этого акта текстуально. Это соответствует тому значению, какое имеет республиканское правотворчество по труду, это удовлетворяет практическим и научным запросам многочисленных лиц и учреждений, пользующихся указанными сборниками.

П. Каминская.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Раз'яснения Пленума Верх. Суда.—Инструктивное письмо УНК Верх. Суда № 1.

Раз'яснения Пленума Верховного Суда РСФСР.

Из протокола № 2 заседания Пленума Верховсуда от 16 января 1928 года.

24. (п. 2). О раз'яснении примечания ст. 3 УК.

(Внесено в связи с делом Томской сессии Сибкрайсуда по обвинению гр. Сайдышева).

В виду того, что согласно ст. 34 УК поражение осужденного в правах допускается лишь в том случае, если он приговорен «к лишению свободы на срок больше одного года», поражение прав Сайдышева, как осужденного к лишению свободы сроком на один год, признать неправильным и эту часть из приговора исключить.

25. (п. 4). О возможности распространения ст. 62 УПК на потерпевшего в случаях, когда дело имеет общественный интерес.

(Постановление пленума Ойратского облсуда в связи с делом по обвинению гр. Дуганова).

Согласиться с постановлением пленума Ойратского облсуда о том, что ст. 62 УПК не может распространяться на потерпевшего и что потерпевшие не могут быть подвергнуты принудительному приводу в случаях, когда дело признано имеющим общественный интерес.

26. (п. 5). О квалификации неуплаты акциза.

Раз'яснить, что неуплата акциза подлежит квалификации по ст. 100 УК, а не по ст. 60 УК.

27. (п. 6). О раз'яснении применения ст. 411 ГК.

(Протест Председателя Верховсуда на определение ГКК Верховсуда от 7 июня 1927 г. по делу Мосгубсуда по иску Главного Военно-Хозяйственного склада к гр-нам Багриновскому и Крюкову о взыскании растраченной суммы денег).

Обстоятельства дела.

Приговором Военного Трибунала № стрелкового корпуса и гарнизона г. Москвы от 2 сентября 1925 года бывш. казначей ГВХ склада, гр. Крюков, был признан виновным в присвоении и растрате 265 руб., принадлежащих ГВХ складу, и в соучастии в растрате сотрудником склада гр-ном Багриновским 2.836 р. 72 коп. Вследствие этого Московский губсуд по иску Главного Военно-Хозяйственного склада постановил: взыскать в пользу истца с гр-на Крюкова 265 руб. и солидарно с гр-н Крюкова и Багриновского 2.836 р. 72 к. Это решение губсуда было отменено ГКК Верховсуда, главным образом, потому, что суд совершенно не проверил в порядке и средствами гражданского процесса размера растраченной суммы и в какой доле они падают на того или иного ответчика.

При вторичном рассмотрении дела губсуд в иске о солидарной ответственности Крюкова и Багриновского за растраченные последними 2.836 руб. 72 коп. отказал, несмотря на то, что Крюков не отрицал того обстоятельства, что он вместе с Багриновским пьянствовали на эти деньги и т. д. Что же касается Багриновского, то суд признал, что иск в сумме 2.800 руб. подлежит удовлетворению, т. к. недостача этой суммы доказана документальными данными. Однако, учитывая материальное положение ответчика, суд нашел возможным ограничиться взысканием с него лишь 800 руб.

По протесту Председателя Верховсуда дело было внесено в Пленум Верховсуда, который вынес следующее постановление:

В виду того, что решение Московского губсуда от 27 января 1927 года основано на фактах, установленных приговором по уголовному делу, почему у ГКК Верховсуда не было оснований к отмене этого решения; что, кроме того, применение ст. 411 ГК к лицам, совершившим растрату или присвоение вверенного им имущества, недопустимо и в этих случаях предъявляемый гражданский иск подлежит удовлетворению в полном объеме, определение ГКК Верховсуда от 7 июня 1927 года, а равно вынесенное на основании этого определения вторичное решение Московского губсуда от 7 октября 1927 года отменить и оставить в силе решение Мосгубсуда от 27 января 1927 года.

28. (п. 9). По делам об алиментах на содержание детей суд обязан проявить максимум инициативы и привлечь в необходимых случаях в качестве соответчиков всех лиц, находившихся в близкой связи с истицей во время зачатия ребенка.

(Протест Председателя Верховсуда на определение ГКК Верховсуда от 25 октября 1927 года по делу по иску гр. Васильевой к Матвееву об алиментах).

Обстоятельства дела.

В исковом заявлении, поданном в нарсуд 1 уч. Цивильского уезда Чувашской автономной республики, гр-ка Васильева просила о взыскании с отца родившегося у нее ребенка гр-на Матвеева алиментов на содержание этого ребенка, при этом она объяснила, что при регистрации рождения своего ребенка отцом его был зарегистрирован ответчик по делу. В деле имеются справки о том, что ребенок родился 14 ноября 1923 года и в тот же день был зарегистрирован в ЗАГС'е, при чем отцом ребенка был записан дядя истицы Николай Андреев, но 3 декабря 1923 года по заявлению истицы запись была исправлена и отцом родившегося ребенка был записан гр-н Иван Матвеев—ответчик по делу. В виду этого суд, совершенно не вызвав гр-на Андреева, в иске отказал, основываясь на противоречивых показаниях истицы.

Это решение было опротестовано прокурором Чувашской АССР в Пленум Главсуда. В протесте прокурор указывал, что суд, имея перед собою в качестве истицы малограмотную женщину, обязан был сам проявить инициативу в выяснении всех обстоятельств дела и что от формального подхода к делу страдают интересы ребенка. Что же касается первой записи, при которой отцом ребенка был записан дядя истицы гр-н Андреев, то прокурор указывал, что суд, не приняв во внимание малокультурность истицы, не знавшей «порядка записи детей», и то, что в Чувашской АССР не изжит еще старый порядок регистрации детей, родившихся вне зарегистрированного брака, на имя близкого родственника, в данном случае на имя дяди.

Пленум Главсуда Чувашской АССР отклонил протест прокурора, главным образом, потому, что истица грамотная и как проживающая на узловой железнодорожной станции, отнюдь не может быть признана неопытной и юридически неграмотной; что в решении нарсуда особенно существенных нарушений закона не усматривается и что возбуждение производства в порядке надзора ограничено годичным сроком. Это постановление Пленум Главсуда было опротестовано прокурором ЧАССР в ГКК Верховсуда, которая протест прокурора оставила без последствий, считая дело достаточно выясненным.

По протесту Председателя Верховсуда дело поступило в Пленум Верховсуда.

Постановили. Рассмотрев дело, Пленум Верховсуда находит: по нашему закону алименты на содержание ребенка присуждаются в интересах ребенка, а не матери, почему суд обязан в порядке 5 ст. ГКК проявить собственную инициативу в обследовании и выяснении всех обстоятельств дела. Вопреки этому суд по настоящему делу отказал в иске, основываясь лишь на том, что мать зарегистрировала ребенка на имя другого лица (своего дяди), а не ответчика, в то время, когда по указанию прокурора в ЧАССР не совсем изжит еще старый порядок регистрации ребенка, родившегося вне юридического брака, на имя близких родственников. Между тем, если суд даже придал бы значение тому обстоятельству, что отцом ребенка был зарегистрирован дядя истицы, он должен был привлечь этого последнего в качестве соответчика и по обстоятельствам дела, в порядке, ст. 32 Кодекса законов о браке, установив, кто из ответчиков является отцом ребенка, а не ограничиться голым отказом в иске. ГКК Верховсуда слишком формально подошла к решению этого дела, отклонив протест прокурора ЧАССР исключительно лишь потому, что дело рассмотрено в 3 судебных инстанциях (в действительности—в двух), в то время, когда основным мотивом к отклонению протеста прокурора в Пленуме Главсуда послужило то обстоятельство, что «в деле нет особенно существенного нарушения закона и что истица, как проживающая

на железнодорожной узловой станции, отнюдь не может быть признана неопытной и юридически неграмотной». Оставление в силе такого мотива в отношении малограмотной женщины явно неправильно. Кроме того, в деле нет ни копии, ни подлинной выписки из книги записей актов гражданского состояния о регистрации ребенка, а имеется лишь справка об этом. А между тем суд не имел перед собою ни одной выписки и, не имея таким образом возможности проверить, кто делал заявление о записи ребенка и соблюден ли при этом требования закона, признал вторую выписку недействительной. В виду того, что по многим делам эти справки не содержат в себе всех требуемых сведений и часто впоследствии оспариваются, а этим самым создаются новые производства по пересмотру этих же дел, Пленум Верховного Суда считает необходимым, чтобы суды, во избежание волокиты, по общему правилу стремились к приобщению к делу подлинной выписки о рождении ребенка.

В силу этих соображений Пленум Верховного Суда постановляет: определение ГПК Верховного Суда от 25 октября 1927 года, постановление Пленума Чувашского Главсуда от 10 августа 1927 года и решение гарсуда 1 уч. Цивильского уезда ЧАССР от 22 августа 1924 г. отменить и дело передать на новое рассмотрение через Главсуд ЧАССР в надлежащий гарсуд.

29. (п. 10). О пределах применения примечания к ст. 162 УК к рабочим и служащим частных предприятий.

В виду того, что примечание к ст. 162 УК относится не ко всем пунктам этой статьи, а лишь к п. «д», предусматривающему кражу из государственных и общественных складов и хранилищ, разъяснить, что примечание к ст. 162 УК не распространяется на рабочих и служащих частных предприятий, в том числе и концессионных.

30. (п. 11). О применении 404 ст. ГК.

(Предложение Президиума Верховного Суда по делу Армавирского гарсуда по иску гр. Бобышева к правлению Северо-Кавк. ж. д. о вознаграждении за увечье).

В своем определении от 29 ноября 1927 года по настоящему делу ГПК Верховного Суда, между прочим, указывает, что сама по себе доставка денежных ценностей в условиях сопровождения ее вооруженной охраной, к тому же в местности, подвергающейся бандитским налетам, должна рассматриваться в качестве повышенной опасности для лиц, производящих такую доставку» и «что поэтому ответственность железной дороги, как владельца перевозимых денег, вытекает из ст. 404 ГК». Такое расширительное и ни на чем не основанное толкование 404 ст. ГК является неправильным. В данном деле речь может быть лишь об ответственности дороги по ст. 403 ГК (вследствие непринятия необходимых мер предосторожности и т. п.), но и по ст. 404. В виду этого, Пленум Верховного Суда, не отменяя вывода определения ГПК Верховного Суда от 29 ноября 1927 г., постановляет: исключить из определения ГПК указанные мотивы.

31. (п. 12). О недопустимости применения кабальности к госорганам.

(Предложение президиума Верховного Суда по делу Марийского облсуда, по иску облотдела профсоюза строительных рабочих к обл. зем. управлению о признании договора на постройку конюшни трудовым).

В мотивах своего определения по настоящему делу ГПК Верховного Суда, между прочим, указывает, что «из решения не видно, чтобы суд обсудил основной по делу вопрос, а именно: не является ли договор между сторонами лишь экономически вынужденной для трудовой артели формой получить себе работу». Пленум Верховного Суда не находит возможным оставить указанный тезис в определении по делу, по которому стороной является госучреждение. Не говоря уже о том, что применение кабальности к госоргану недопустимо, суд, если действительно установил бы, что кто-либо из государственных служащих вынуждал артель, нуждающуюся в работе, облекать трудовой договор в форму какого-либо иного договора, он (суд) обязан привлечь этого служащего к ответственности. В данном деле может ставиться вопрос о мнимости договора подряда, что дает суду право в случае установления, что фактические отношения сторон не подходят под договор подряда, определять отношения сторон в соответствии с фактическим положением.

В виду этого Пленум Верховного Суда постановляет: исключить из определения ГПК Верховного Суда от 6 декабря 1927 года по настоящему делу указанный выше мотив не отменяя конечного вывода указанного определения ГПК Верховного Суда.

32. (п. 13). Об ответственности за дачу заведомо ложных показаний в комиссии по определению трудстажа.

(Представление Прокурора Верховного Суда).

Разъяснить, что дача заведомо-ложных сведений в комиссии при кассах социального страхования по установлению трудстажа подлежит квалификации по 1 ч. ст. 187 Уголовного Кодекса.

Инструктивное письмо Уголовной Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР № 1—1928 г.

Рассылается на основании ст. 6 наказа УКК по утверждению его Президиумом Верх. суда РСФСР в заседании от 31 января 1928 г.
Председатель Верховного Суда РСФСР Стучка.

Председателям краевых, главных, областных, губернских и окружных судов.

О ст.ст. 54, 55 и 56 УК.

Согласно ст.ст. 54 и 56 УК, если условно-осужденный или условно-досрочно-освобожденный в течение испытательного срока, или в течение неотбытого при досрочном освобождении срока совершит новое, не менее тяжкое, преступление, то при вынесении второго приговора применяются правила о сложении мер социальной защиты.

В судебной практике при применении этих правил возник вопрос о том, что считать «не менее тяжким» преступлением. В связи с этим Пленум Верховного Суда в заседании от 20 июня 1927 года вынес следующее постановление:

«1) Разъяснить, что, по смыслу ст.ст. 54, 55 и 56 УК, в случаях, когда условно-осужденный или условно-досрочно-освобожденный в течение испытательного или неотбытого срока совершит новое преступление, суд, рассматривающий последнее, должен поставить на свое обсуждение и разрешение вопрос о том, является ли новое преступление не менее тяжким, чем первое, и устанавливает ли оно по обстоятельствам каждого конкретного случая повышенную социальную опасность данного лица, вследствие того, что и это последнее преступление по характеру его совершения выявляет, что условно-осужденный в течение испытательного срока доказал свою неисправимость. 2) Поручить УКК Верховного Суда в очередном инструктивном письме дать судам конкретные указания о способах выяснения судами указанных обстоятельств».

Во исполнение этого поручения Пленум Верховного Суда УКК считает нужным дать следующие разъяснения:

Признание второго преступления «не менее тяжким» зависит от оценки судом, во-первых, степени социальной опасности второго преступления, т. е. санкции соответствующей ст. УК, степени распространенности этого преступления и т. п., а, во-вторых—степени социальной опасности личности в связи со вторым преступлением, а именно: мотивов преступления, способа совершения его, влияния среды, поведения лица в период между преступлениями и т. п.

Для разъяснения только что высказанных положений приведем следующий пример. Бухгалтер крупного кооператива, небрежно относясь к службе, систематически несвоевременно составлял отчет по движению товаров, что облегчило возможность служащим кооператива произвести ряд хищений товаров на значительную сумму. На суде выяснилось, что бухгалтер по квалификации и условиям работы вполне мог справиться со своей работой и отчеты составлять своевременно; однако, приняв во внимание многолетнюю безупречную службу, суд мерой социальной защиты ему избрал 6 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. В течение испытательного срока тот же бухгалтер в тех же условиях допустил единичную ошибку в книгах, в результате чего один из служащих, воспользовавшись этой ошибкой, путем подлога в своих книгах присвоил на значительную сумму товаров. В нашем примере второе преступление бухгалтера по своему характеру не связано с первым, хотя преступления и тождественны; единичная ошибка, хотя бы и грубая, не выявляет повышенной социальной опасности личности бухгалтера и не вытекает из существа совершенного им ранее преступления. Поэтому в нашем примере принцип сложения мер соц. защиты не должен иметь места. Иначе дело обстояло бы, если бы после условного приговора бухгалтер продолжал бы систематически запаздывать с отчетами. Это выявило бы повышенную социальную опасность его и требовало бы применения принципа сложения мер соц. защиты. В том же примере и при тех же условиях применение принципа сложения мер соц. защиты могло бы иметь место по признаку особой распространенности халатного отношения

к службе в кооперативных учреждениях данной местности, что повлекло бы социальную опасность преступления.

Принцип сложения применяется лишь при назначении по второму преступлению однородной меры соц. защиты; то-есть, если по первому приговору назначено условное лишение свободы, а по второму—безусловное.

Кроме того, надлежит иметь в виду, что применение принципа сложения мер соц. защиты должно иметь место и тогда, когда преступление совершается лицом, бежавшим из места заключения.

Наконец, следует иметь в виду, что применение принципа сложения мер соц. защиты должно иметь место только после того, как второй приговор вступил в законную силу.

Принцип поглощения одного приговора другим (ст. 465 УПК) применим либо при тождественности мер соц. защиты по первому и второму приговорам, либо если мера соц. защиты, назначенная по второму приговору, по своему существу явно суровее мер соц. защиты, назначенной по первому приговору, т.-е. если по первому приговору назначены принуд. работы, а по второму приговору—безусловное лишение свободы, то второй приговор поглощает первый. В тех же случаях, где безусловная мера соц. защиты, назначенная по второму приговору, мягче, чем условная мера соц. защиты, назначенная по первому приговору, оба приговора приводятся в исполнение самостоятельно. Так, если по первому приговору даны принуд. работы, а по второму—штраф, то штраф взывается в общем порядке и взыскание его не влияет на исполнение первого приговора со всеми связанными с ним последствиями.

УКК считает нужным указать судам на то, что назначение условного осуждения на длительные сроки нежелательно, т. к. это не соответствует социальной опасности осужденного, который признан неуязвимым в изоляции.

После назначения основной окончательной меры социальной защиты вопрос о назначении дополнительных мер разрешается судом, исходя из социальной опасности лица, совершившего преступления, для чего суд оценивает совокупность всех обстоятельств установленных приговорами по обоим делам.

Дополнительные меры социальной защиты, назначенные по второму приговору, обязательно должны полностью входить в окончательную меру социальной защиты.

О ст. 73 УК.

В практике судов встал вопрос о том, как квалифицировать нападение граждан на представителей власти.

УКК разъясняет:

Если нападение на представителя власти имело место при выполнении им своих обязанностей, при чем лица, совершившие нападение, стремились, путем насилия, помешать ему исполнить ту обязанность, которую представитель власти в этот момент исполняет, то налицо преступление против порядка управления, предусмотренное ст. 73 ч. 1 УК, т.-е. сопротивление власти, сопряженное с насилием над представителем власти.

Если же нападение на представителя власти не преследует цели помешать ему исполнить служебные обязанности, а вызвано широкими мотивами (корысть, месть и т. п.), то нападение это квалифицируется по одной из статей УК раздела преступлений против личности, имущественных и т. п.

Наконец, если нападение на представителя власти произошло из контр-революционных побуждений, то оно квалифицируется, как террористический акт по ст. 58⁸ УК.

О преступлениях, связанных с нарушением политики снижения цен.

Снижение цен является наиболее важной задачей экономической политики Советской власти в данном периоде. В целях борьбы с нарушителями директив по снижению цен Правительством издан ряд постановлений и к этому вопросу привлечено общественное внимание трудящихся масс.

Подчеркивая необходимость быстрой борьбы судов с этими преступлениями и привлечения к ним общественного внимания, УКК вместе с тем считает нужным дать указания по вопросу о том, при каких условиях можно и должно возбуждать уголовное преследование по этим делам, так как из имеющихся в Верховном суде материалов видно, что суды не вполне уяснили, какие нарушения этого рода подлежат рассмотрению в уголовном порядке. В результате получается, что суды принимают к своему производству дела крайне незначительные, нередко подлежащие разрешению в административном порядке.

Условия эти следующие:

1) наличие в деле корыстной или иной личной заинтересованности, хотя бы в косвенной форме; например, преступным деяние должно считаться не только в том случае, когда цена на товар повышается с целью обращения в свою пользу излишне полученных с потребителя денег, но также и в том случае, когда путем повышения цен достигается улучшение материального положения сотрудников (наградные, покупка квартир, завтраки, обеды и проч.);

2) в случаях, когда путем повышения цен на товары покрывается убыток, получившийся вследствие неправильного ведения торговых операций;

3) систематическое повышение цен на товары первой необходимости.

Прочие дела по нарушению постановлений о повышении цен подлежат рассмотрению в административном порядке.

Вместе с тем, УКК напоминает необходимость точного выполнения циркуляра НКЮ № 100 от 21 июня 1927 г. о рассмотрении дел этой категории вне очереди:

Одновременно предлагается руководствоваться постановлением Президиума Верховного суда от 26 июля 1927 г. по вопросу («Суд. Пр.» №№ 15 и 16) «о карательной политике по должностным преступлениям» в том смысле, что лишение свободы по этим делам, как и по прочим должностным преступлениям, должно применяться к тем лицам, социальная опасность которых требует изоляции; ко всем остальным лицам следует избирать иные меры социальной защиты (увольнение от должности, запрещение занимать таковые).

О ст. 131 УК.

В практике некоторых судов возник вопрос о том, в какой мере для уголовного суда обязательен вывод гражданского суда о наличии злонамеренности в действиях лиц, не исполнивших договора с государственными или общественными учреждениями.

Поясним:

Определение гражданского суда, установившего наличие в действиях лица злонамеренность, ни в коей мере не связывает ни уголовный суд, ни даже следственные органы. Они обязаны принять дело к своему производству, но в дальнейшем движении дела определяется общими положениями о производстве по уголовным делам. Оно может быть сокращено, направлено к исследованию или к слушанию в общем порядке.

Кроме того, УКК считает нужным разъяснить, что производство по всем делам, возникшим до 1927 года по ст. 130 УК 1922 года, если таковые еще не рассмотрены в уголовном суде по существу, надлежит немедленно приостановить и направить эти дела на рассмотрение в гражданский суд. Дальнейшее направление таких дел определяется уже в гражданском суде. Если гражданский суд не обнаружит злонамеренности в действиях ответчика, то дело в уголовном порядке должно быть прекращено. Если гражданский суд обнаружит злонамеренность в действиях ответчиков, то дело надлежит возобновить и в дальнейшем дать ему движение в общем порядке.

Об ответственности отцов за убийство матерью ребенка.

Из проходящих через УКК Верховного суда кассационных и надзорных дел о так называемом «бытовом детоубийстве» усматривается следующий основной и существенный дефект расследования и разрешения этих дел. Подавляющее большинство этих дел является убийство матерями новорожденных детей в момент родов или через короткое время за родами, по мотивам невозможности содержать ребенка в виду тяжелого материального положения, ложного стыда, боязни преследования со стороны окружающей ее темной среды за рождение ребенка вне юридического брака.

Почти по всем этим делам в качестве обвиняемых привлекаются только матери—физические убийцы, личность же и роль отцов убитых детей совершенно не выясняется. На это обстоятельство было обращено внимание советской общественности, и вопрос получил широкое отражение в газете «Беднота», по инициативе которой вопрос был поставлен.

Линия карательной политики судов в отношении матерей-детоубийц в бытовой обстановке должна проводиться с учетом всех смягчающих обстоятельств, при которых совершено убийство, а также и с учетом того обстоятельства, что борьба с этим явлением должна вестись не столько путем судебных репрессий, сколько мерами экономического и культурного порядка.

Иначе дело обстоит с расследованием роли отцов при убийстве матерью своего ребенка. Роль отца очень часто вовсе не исследуется по делам такого рода или исследуется недостаточно. А между тем практика знает случаи, когда убийство ребенка матерью явилось результатом отказа отца оказать материальную поддержку находящейся в нужде матери, что по своему существу должно рассматриваться как явление социально-опасное.

А потому УКК предлагает:

- 1) при возникновении дела об убийстве матерью ребенка тщательно выяснять личность отца ребенка и его роль в преступлении: допущено ли им подстрекательство матери к убийству или пособничество убийству, знал ли он о предстоящих родах и убийстве, обращалась ли мать ребенка к нему за помощью, в которой он отказал, оставляя мать и ребенка в беспомощном положении;
- 2) в случаях, когда следствие установит, что отец ребенка являлся прямым соучастником убийства последнего (подстрекателем или пособником), к нему надлежит применять ст. 136 УК применительно к ст. 18 УК, при чем меры социальной

защиты в этих случаях должны определяться судом достаточно жесткие, так как в подобных случаях главная тяжесть социальной опасности, по общему правилу, лежит в действиях отца-подстрекателя или пособника, а не матери-физической исполнительницы;

3) в случаях, когда подстрекательство или пособничество отца не установлено, а установлено, что ему было известно о предстоящем рождении от него ребенка и о беспомощном материальном положении матери, что мать ребенка обращалась к отцу за помощью, но последний отказал в ней, хотя он такую фактически, по своему имущественному состоянию, имел возможность оказать, результатом чего и явилось убийство ребенка матерью, отец ребенка должен привлекаться к делу по обвинению по ст. 158 ч. 2 УК;

4) при отсутствии указанных обстоятельств, самый факт убийства матерью ребенка, само собой разумеется, не дает оснований для привлечения и осуждения отца ребенка.

Председатель Уголовной Кассационной Коллегии
Верховного Суда РСФСР Челышев.

Циркуляр Верховного Суда РСФСР № 4 от 23/II 1928 г.

О применении амнистии к X годовщине Октябрьской Революции.

Всем краевым, областным, главным, губернским и окружным судам.

Согласно постановления Президиума ЦИК СССР от 2 ноября 1927 г. об амнистии к 10 годовщине Октябрьской революции, все осужденные к лишению свободы на срок до 6 месяцев, а трудящиеся, осужденные впервые до 1 года лишения свободы, подлежат освобождению.

Однако, суды, как это видно по делам, поступающим в Верховный Суд в порядке кассационного обжалования, пользуются формальным правом соответствующей ст. УК по ряду дел за маловажные по существу преступления прибавляют к определению срока лишения свободы с прибавлением к одному году 1—2 или более месяцев и, бывали случаи, даже нескольких дней, лишь с той целью, чтобы не применять амнистии. Такое ненормальное явление явно игнорирует акт амнистии и умаляет его значение в глазах трудящихся.

Примеры:

Губернский суд признал виновным Волынкина, Федора, 32 лет, состоявшего в должности милиционера, в том, что он, после окончания служебных обязанностей, вечером, однако, будучи в форме, выпил пива и в пьяном виде подрался на улице с десником Вахрушевым. Суд приговорил Волынкина к 1 году и 2 месяцам лишения свободы.

Губернский суд признал виновным гр-на Шалова, Гавриила, 26 лет, в том, что, будучи в состоянии опьянения, произвел бесчинство, а при попытке доставить его в милицию отказался следовать за милиционером и продолжал ругаться. Суд приговорил Шалова к одному году и 1 месяцу лишения свободы.

Областной суд приговором от 12—13 декабря 1927 г., признав виновным гр-на Костоева, Я., в том, что, состоя в период 1922—24 г.г. председателем сельско-хозяйственного товарищества, не вел надлежащего счетоводства, записывал все на листах бумаги, в результате чего оказалось затруднительным погашение задолженности, и, квалифицируя это деяние по 111 ст. УК, приговорил Костоева к одному году и трем месяцам лишения свободы.

Таким примеров можно привести большое количество, в особенности, по должностным преступлениям малозначительного характера, где имеется лишь халатность, без признаков корысти или личных видов и т. п.

Эти примеры ярко свидетельствуют, что основная мера социальной защиты не соответствует содеянному, что при иных условиях, т.е. при отсутствии Манифеста об амнистии, за эти малозначительные деяния санкция была бы гораздо ниже.

Считая недопустимым подобное отношение судов к политическому акту, предлагается судам категорически избегать с целью неприменения амнистии увеличивать сроки лишения свободы по малозначительным преступлениям, в особенности в отношении трудящихся, когда по характеру дел ясно, исходя из принципа нашей карательной политики, что срок лишения свободы должен быть минимальным.

Председатель Верховного Суда РСФСР П. Стучка.

Циркуляр Дисциплинарной Коллегии Верховного Суда № 2 от 19 января 1928 года.

Всем главным, краевым, областным и губернским судам.
О раз'яснении применения амнистии к 10-ой годовщине Октябрьской Революции по дисциплинарным делам.

На основании неоднократных запросов с мест о порядке применения амнистии к 10 годовщине Октябрьской Революции по дисциплинарным делам, Дисциплинарная Коллеция Верховного Суда РСФСР раз'ясняет:

- 1) Прекращению по амнистии подлежат все дисциплинарные дела.
- 2) Дисциплинарная судимость по делам, заслушанным до 7 ноября 1927 года, снимается.
- 3) Судебные работники, отстраненные от работы в дисциплинарном порядке с запрещением работы на судебных должностях на срок, могут быть восстанавливаемы в своих должностях по усмотрению соответствующих органов и лиц.
- 4) Амнистия по делам, рассмотренным по существу после 7 ноября 1927 года и до момента издания циркуляра НКЮ, применяется теми же местными дисциплинарными коллегиями.

Зам. Председателя Дисциплинарной Коллегии
Верховного Суда РСФСР Н. Немцов.

Издатель

Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор Нар. Ком. Юст. Н. Янсон.

Редакционная Коллеция {
Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКЮ РСФСР

МОСКВА, центр, Кузнецкий Мост, 13. Тел. 2-80-42.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: ЛЕНИНГРАД, просп. Володарского, 44 при Ленинградской Облпрокуратуре. СВЕРДЛОВСКИ, ул. Малышева, 68 при Уральском облсуде. РОСТОВ н/Дону, Никольская ул., при Сев.-Кавказском крайсуде. КРАСНОДАР, Красная 3, при Кубанском окрсуде. САРАТОВ, Ленинская, 26/30, при Саратовском губсуде.

КИОСКИ при всех краевых, областных, губернских и окружных судебных учреждениях.

ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ СЛЕДУЮЩИЕ НОВИНКИ

Громов.—Дознание и предварительное следствие и техника расследования преступлений. 3-е изд.	2 р. 70 к.
Змиев.—Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г. Текст и комментарий	— „ 85 „
Теттенборн.—Страхование на случай безработицы, болезни и материнства	— „ 70 „
В. Соколов.—Права женщины по советским законам. 3-е изд.	— „ 50 „
Бахчисарайцев и Драпкин.—Гражданские кодексы союзных республик (Систематический сборник).	2 „ 90 „
Дябло.—Судебная охрана конституции в буржуазных странах и в Союзе ССР (из серии Институт Сов. Права).	1 „ 85 „
Шмидт.—Простой вексель. 3-е изд.	— „ 40 „
Соломонович.—Нормирование труда служащих.	2 „ 25 „
Байбулатов.—Торговые книги и законодательство. 3-е изд.	2 „ — „
Бурков и Ележский.—Устав жел. дор. (Комментарий. Указат. содерж.) Устав жел. дорог СССР с пост. к нему, правилами и распоряжениями НКПС. 2-е изд.	— „ 65 „
Кредит жилищный, коммунальный, больничный, на сельское строительство. Законодательство. (Правила, инструкция, циркуляры).	3 „ 75 „
Марусов.—Справочник коллективиста. (Законы, циркуляры, разъяснения и руков. указания о сельхоз. коллект.).	2 „ 50 „
Чернявский.—Оплата командировок и перемещ. в СССР и за гран.	2 „ — „
Вольфсон.—Хозяйственное право. (Конспект лекций).	— „ 80 „
Клыков и Сочнев.—Самообложение в деревне по новому закону.	— „ 45 „
Иодковский.—Перечень формально отмененных и законов правительства Союза ССР и правительства РСФСР по законодательству на 1-е января 1928 г.	— „ 40 „
Герцензон.—Борьба с преступностью в РСФСР по материалам обследования НК РКИ СССР.	1 „ 20 „
Кутлер.—Государственный подоходный налог с дополнениями и изменениями с приложением алфавитного указателя. 3-е изд.	1 „ 30 „
Коган.—Татуировка у преступников.	3 „ 25 „
Познышев.—Преступники из-за алиментов, типы их и меры борьбы с ними	1 „ — „
Ананов.—Правовое положение научных работников.	1 „ 10 „
	— „ 40 „

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГИ

Заказы выполняются за наличный расчет и наложенным платежом.

Переписка заказов по наложенному платежу за счет заказчика.

Заказы направлять ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

Д Я Б Л О

**СУДЕБНАЯ ОХРАНА КОНСТИТУЦИИ
В БУРЖУАЗНЫХ ГОСУДАРСТВАХ И В СОЮЗЕ ССР**

(Книга из серии «Института советского права»).

Задачей настоящего издания является исследование и изучение различных форм судебной охраны конституций и выяснение роли судебного конституционного контроля в условиях буржуазного и советского государства.

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ: Конституции и конституционные гарантии. Формы развития буржуазных и советских конституций. Организация конституционного контроля в современных буржуазных государствах. Практика конституционного контроля в буржуазных государствах. Конституционный контроль в Союзе ССР.

ЦЕНА 1 р. 85 к.

Заказы направлять **ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ ИЗДАТЕЛЬСТВА** (Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13) и книжным складам и киоскам Издательства.

ВНИМАНИЮ ВСЕХ СУДЕБНЫХ РАБОТНИКОВ, РАБОТНИКОВ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА И ГПУ

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ 3-им ИЗДАНИЕМ

К Н И Г А

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС РСФСР

**ПОСТАТЕЙНЫЙ КОММЕНТАРИЙ
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРОЕКТА УПК**

Составили: **М. Строгович и Д. Карницкий.** Под редакцией **Н. Нехамкина.**

В 3-е издание внесен ряд изменений и дополнений в связи с изменением некоторых статей УПК, а равно в связи с новейшими циркулярами НКЮ и разъяснениями Пленума Верховного Суда РСФСР. Практика УПК Верховного Суда РСФСР в этом 3-м издании „Комментария“ обновлена, поскольку ею освещались моменты, не освещенные или иначе освещенные практикой, использованной в предыдущих изданиях.

Для удобства пользования к настоящему изданию составлен алфавитно-предметный указатель не только к официальному тексту кодекса, но ко всему содержанию комментария.

В конце книги предлагается проект нового УПК.

Цена книги—3 р. 50 к. Папка—40 к. Тираж ограничен.

Книга высылается за наличный расчет и наложенным платежом.

Заказы направлять ТОРГОВОМУ ОТДЕЛУ ИЗДАТЕЛЬСТВА,

Москва, центр, Кузнецкий Мост, 13 и в книжные склады и

киоски Издательства.